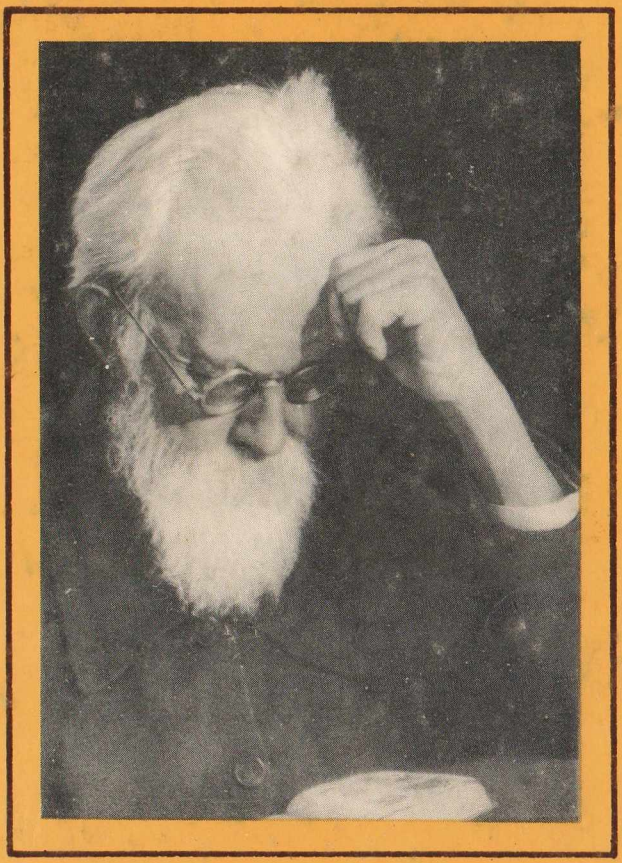

В.А. РОСОВ

В.И. ВЕРНАДСКИЙ И РУССКИЕ ВОСТОКОВЕДЫ

ЕВРАЗИЙСКАЯ МЫСЛЬ
EURASIAN THOUGHT

V.Rosov

V.VERNADSKY AND RUSSIAN ORIENTALISTS

Thoughts — Sources — Letters

Saint-Petersburg
1993

В.А.Росов

В.И.ВЕРНАДСКИЙ И РУССКИЕ ВОСТОКОВЕДЫ

Мысли — Источники — Письма

Санкт-Петербург
1993

Серия
"Евразийская мысль"

Росов В.А.
В.И.Вернадский и русские востоковеды.
Мысли — Источники — Письма. СПб., 1993. 144 с.

Книга посвящена влиянию философских и культурных традиций Востока на научное мировоззрение крупнейшего естествоиспытателя современности Владимира Ивановича Вернадского (1863-1945). В ней представлены новые архивные материалы и документы, которые помогают выявить универсальный тип ученого, человека и мыслителя. Самоценной по своему значению является публикация здесь писем — переписки В.И.Вернадского с российскими востоковедами. Своеобразие предлагаемой темы диктует нетрадиционный подход в исследовании — авторский текст состоит из отдельных очерков, создающих единую образную канву книги.

ISBN — 5-88143-006-9

© В.А.Росов, 1992.
© Институт истории естествознания и техники РАН, 1992.
© Фирма "Петроградский и К°", 1993.

Жизнь вся одна, и право чувство индийских исканий, связывающих все живое и чувствующее связь всего живого.

В.И.Вернадский. Дневник, 1922-1924

Владимир Иванович
Вернадский

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Единое

Тема исследования, которое разворачивается перед читателем, — "Вернадский и Восток". Она не совсем привычна для научного взгляда на вещи ни своим названием, ни своим соединительным союзом. Тем не менее, на этих страницах впервые в отечественной истории науки возможно полно ставится вопрос о соприкосновении научных традиций Запада и Востока, об изменении эталона ценностей, существующего у европейского ученого, под воздействием культурных влияний, проистекающих из Азии, — древнего мирового центра философской и религиозной мысли.

При изучении материалов отечественных архивов можно воссоздать более или менее целостное представление о Вернадском как о "человеке Востока". Начиная это непростое исследование, в котором предстоит коснуться личности ученого, необходимо создать как бы систему координат, создать именно такое представление, где наглядно проявился бы пунктир жизни Вернадского, — другими словами, выявить ценностные ориентиры его творческой личности.

Чтобы лучше понять роль Востока в творчестве Вернадского, будем исходить из представлений о научно-культурном синтезе, вбирающем две линии, — западную и восточную традиции, Запад и Восток. Для Вернадского Запад и Восток — это не разрозненные традиции, а две линии в мировой культуре, которые неминуемо соединяются воедино.

И, может быть, для более доступного приятия этой мысли, которой всегда следовал Вернадский, воспользуемся образом пирамиды. Грани пирамиды есть восточная и западная традиции, которые соединяются где-то наверху, и вершинная точка пирамиды является абсолютным выражением смысла мировой культуры. Наверное, именно так все и происходит. Мы, люди Запада, живем в парадигме европейского мышления, и поэтому всегда смотрим на мир как бы вдоль одной грани, одной линии, которая и есть западная культура. С нашей земли мы не видим, что по другую сторону пирамиды существует неизвестная реальность, иная грань, именуемая Востоком. А титаны, подобные Вернадскому, они были врост с пирамидой мировой культуры, они созерцали вершину — ту видимую точку, в которой соединяются все традиции и все отдельные культуры.

Конечно, можно возразить словами Киплинга о том, что "Запад есть Запад, а Восток есть Восток, и они никогда не встречаются". Почему нам нужно брать две традиции, которые должны обязательно соединяться! Быть может, они никогда не соединяются? — "Да, это так", — последует ответ правдоискателя. Можно вообразить себе не пирамиду, а другую "фигуру культуры", например, параллелепипед, с двумя параллельными гранями (в нашем понимании — западной и восточной традициями), существующими независимо, непересекаемо. Но в таком случае, предмет рассмотрения был бы несколько иной, и пришлось бы писать исследование на тему: "Вернадский и Антивосток".

Таким образом, будем стоять на позиции самого Вернадского — Запад и Восток "встречаются", они соединяются в наивысшей точке развития культуры, и в будущем нас ожидает единая планетарная культура (конечно, при сохранении неповторимого своеобразия национальных культур), потому что все мы живем на одной, неделимой Земле.

ГЛАВА I
МЫСЛИ

1. Восток

Современный мир, полный разграничений и противоречивых суждений, по-разному смотрит на Восток; неодинаково оценивает роль, которую Восток — в равной степени как и Запад — сыграл в формировании культурного и духовного потенциала той или иной нации, особенностей того или иного национального характера. В значительной степени это относится и к России. Существуют научные мнения, категорически утверждающие, что "Россия никогда не была Востоком" (1) и ее судьба связана исключительно со Скандинавией и Византией, ибо развитие не только торговли и государственности исторически определялось западными влияниями, но даже и культура, и литература, в частности, если и насыщались восточными сюжетами, то они приходили к нам с юга, из Византии, или даже с Запада, но никак не с Востока.

Действительно, обособлена ли Россия от Востока? Может быть, для начала следует заняться не поисками азиатских черт в русской культуре (хотя и их предостаточно), а стоит разграничить русскую идею и стиль западного мышления, свойственный не всей нации в целом, но лишь отдельным ее представителям. И здесь речь не должна пойти о материальной деятельности нации, а о способе ее мышления.

Взаимодействие западных и восточных традиций для нас интересно влиянием Востока, и в особенности индийской философии и культуры, на западную науку и российскую

научную мысль. Примеров научных построений, в которых синтезированы идеи, заимствованные на Востоке, в том числе в Индии, множество. Такие примеры встречаются в самых разнообразных областях жизни. Бор был заворожен Японией и строил свои научные концепции по законам гармонии и красоты; Циолковский написал работу "Нирвана"; Шопенгауэр размышлял о карме и буддийских вихарах; Леви открыл философский семинар в Париже, где культивировал восточную мысль; Гессе наполнил европейскую художественную литературу сюжетами индийской жизни; Малер пропитал симфонии мистическим духом Востока... В русской культуре можно встретить глубокий восторг и почитание восточной мудрости. Восток ярко проступил в поэзии Бальмонта и Хлебникова, в литературных опытах Ремизова и Рериха. Культурная жизнь России в первой половине XX столетия была насыщена образами Востока, как воздух насыщен влагой перед дождем.

Этот дождь долго собирался и, наконец, обильно пролился в начале 70-х годов. Появилась книга Ф.Капра "Дао физики" (2). Автор попытался приблизить современную физику к философским концепциям Востока. Он рассмотрел гипотезу бутстрапа в адронной физике, которая постулирует фундаментальность в равной степени всех адронов (сильно взаимодействующих частиц). Западные ученые стали находить идейные параллели в картине мира, созданной физикой наших дней и космогоническими представлениями Древнего Востока. Предпринимались попытки согласовать и дополнить современную физику Ведами, отыскать параллели между квантовой механикой и учением тибетского ламы У.Трунга, излагались принципы физических теорий в свете трансцендентальной медитации индуизма. Так возникла и развилась Теория параллелизма.

К началу 80-х годов нашего века запас сравнений, используемый в Теории параллелизма, несколько иссяк, и разработка идеи синтеза западных и восточных знаний зашла в тупик. Чтобы найти выход, была предложена другая плоскость проблемы: перевести рассмотрение в область экологии и тесно связанной с ней проблемой этики (3). Сравни-

валось целостное видение мира, целостный механизм функционирования природы с миросозерцанием Востока — представлениями о всеединстве древних индусов, китайцев, японцев. Однако, главный вопрос остался неразрешенным: отражают ли существующие параллели физические закономерности природы или законы психической деятельности человека?

Нынешнее десятилетие выдвигает в науке еще один подход, частично нашедший отражение в физике и именуемый антропным принципом; этот подход состоит в том, чтобы отказаться от дуальности и увидеть физические закономерности природы и законы психической деятельности человека как единое целое, т.е. с позиции Абсолюта. Истоки такого видения связаны с философией Веданты — древнейшей системой Индии.

На путях научного поиска всегда бывает множество препятствий и трудностей. Для разработки Теории параллелизма также необходимы новые идеи. Главная сложность — оттолкнуться от живого опыта конкретной личности, отыскать реальную фигуру такого ученого, который создал бы свою собственную научную теорию или концепцию, выверяя ее с философскими идеями Востока. И будет ли в таком случае достаточным материал, позволяющий построить некую модель мыслительной работы ученого, воссоздать его творческую лабораторию...

Таким ученым, идеальным в некоторых отношениях для этой роли, может стать Владимир Иванович Вернадский, крупный естествоиспытатель и мыслитель. В обширном архиве ученого (одном из самых крупных в Российской Академии наук!) имеется большое количество документов, позволяющих на новом уровне выявить характер восточных влияний в научном знании.

2. Биосфера

"Сейчас в нашей области знания происходит такой сдвиг понимания человеком реальности, который, вероятно, бы-

вал того же порядка, как в V-VII столетии до Р.Х. — времени Будды, Конфуция, великих Греков" (4) — так писал Вернадский в письме к П.К. Коковцеву (1938). На первый взгляд, ничем не примечательные слова — просто сравнение двух исторических периодов, имеющих близкое отношение к сдвигу в сознании человечества. Именно в это время, в конце 30-х годов нашего века, ученый разрабатывал свое учение о биосфере и ее переходе к ноосфере. Но, если пристально вчитаться в строки письма, отчетливо видно, что Вернадский проводит параллель между современными представлениями о мире и мировосприятием древних народов. Действительно, близки ли в своем видении мира и природы современные ученые Запада и древние мудрецы Востока?

Такой вопрос возникает сам собой и диктует сравнительный подход в нашем исследовании. Обращаясь к мировоззрению Вернадского, касаясь его концепций, представляется правильным дать психологическую оценку восприятия отдельных сторон учения о биосфере. В дальнейшем, в последующей главе, когда будут изложены конкретные факты и жизненные обстоятельства, обратившие Вернадского к Востоку, высказанные мысли о близости смыслообразующих понятий биосферы и миропорядка, установленного восточной философией, приобретут свое полноценное звучание.

Учение о биосфере — единой планетной оболочке, служащей областью распространения жизни, — рассматривает Землю как неразрывное единство всего живого, включая человечество. Биосфера — это целостная природная система, в которой живые организмы подвержены постоянному воздействию вещественно-энергетических процессов, протекающих в самых отдаленных пространствах Космоса. Поэтому биосфера "выявляется как планетное явление космического характера" (5).

Исходя из идеи единства бытия, Вернадский наглядно показал: земная природа, оболочки, сферы планеты, весь мир с геохимической точки зрения представляет собой единое целое Живое вещество есть взаимодействие атомов различных химических элементов. Все живое, живое и кос-

ное вещество непрерывно обменивается потоком свободных атомов. Происходит грандиозный геохимический круговорот — "дыхание" материи.

Именно такой вывод Вернадского, выраженный в его учении о биосфере, воплощает в себе универсальную идею единства мира и является очень близким по сути и по форме представлениям древних индийцев об Абсолюте, Брахмане, проявленном во множестве окружающего нас творения. Вспомним ведические гимны о Едином и дыхании Сущего! Согласно космогоническим представлениям Ригведы, Вселенная изначально являет собой одно целое, она возникла из первоначального хаоса, разделив на части слитые воедино Землю и Небо.

Вся ведическая литература— Веды (XV-VI вв. до н.э.) — проникнута ощущением живой природы. В ее основе лежит мифологическая система представлений, в которой рассматривается живое и неживое, проистекающее из одного источника, имеющее одно биение; поэтому-то человек здесь почитает камни, растения как одухотворенные существа.

Утонченное чувство природы было во все времена основной чертой индийской культуры. Сам человек, элементы его тела почитались неотъемлемой сущностью Матери-природы. Такой взгляд на человека получил свое первоначало уже в погребальных гимнах Ригведы: "В солнце уйдет твое зрение, в ветер — твое дыхание, ступай на небо, ступай в землю как должно, или удались к водам, если тебе там благо, члены тела да пребудут в растениях..."(6).

Эти глубокие символы древних предвосхищают представления о грандиозном круговороте материи в природе.

Однажды Вернадский сделал редкое признание своей жене. В своем письме из Клампенборга (1902) он писал: "Посылаю тебе поразительный гимн Ригведы в метрическом переводе Дойссена. Он довольно, по-видимому, точно отвечает содержанию. Это произведение неизвестного поэта (и крупнейшего мыслителя), жившего minimum за 1000 лет до Христа, за много лет раньше Будды, Сократа и всей греческой философии и науки. А как он современен, как глубоко заставляет он теперь даже биться мысль! Я вижу в нем пер-

вый скачок в бесконечное, т. к. таким великим сомнением отрицается творец всякого рода (богов обычных — он поставил уже после создания мира) и корень бытия переносится в находящееся вне мира (Nichtsein) — в нарождающееся и исчезающее, неуловимое и необъяснимое влечение сердца, в чувство любви" (7). Дневниковые записи и письма Вернадского с полной определенностью указывают, что гимны Ригведы возбуждают в нем ассоциации, имеющие важное значение. Пока трудно сказать, какой характер носит это влияние, связано оно с образным или логическим мышлением. Ясно одно, философские тексты Ригведы, являющиеся составной частью ведийской литературы, имеют особое значение в развитии как древнеиндийского миропонимания, так и современного научного мышления.

В Ригведе, в ранней и в поздней индийской литературе —Рамаяне и Махабхарате — встречаются факты, мысли, ассоциации, которые превращаются в строительный материал для научных и философских построений. Вернадский неоднократно отмечал, что идеи о неразрывной связи живой и мертвой природы широко запечатлены в литературном, поэтическом и философском творчестве народов Востока; чувство единства всего живого проникает в разные сферы человеческой деятельности и может вызывать научные ассоциации (8).

3. Ноосфера

Осмысление научного феномена биосферы, с какой бы то ни было стороны, неизменно приводит нас к понятию "ноосферы" или процессов, так или иначе с нею связанных. Что такое ноосфера и как "взгляд на Восток" может раздвинуть границы привычных представлений о ноосфере? Здесь придется говорить снова о двух смысловых подходах, обращенных острием мысли на творение Вернадского.

Ноосфера — это некое универсальное явление, некий Абсолют как совокупный продукт человеческого разума,

достигающего своей вершины в ходе длительной эволюции ж. и на планете.

Ноосфера также, если это реальный процесс, охватывающий планету в целом, имеет отношение как к Западу, так и к Востоку одновременно, а возможно, и в большей степени к Востоку, ибо Восток признан колыбелью древнейших цивилизаций на Земле.

Изложение подходов на этом не заканчивается, а только начинается. Один в большей степени известен исследователю и читателю (но только в большей!), а другой остается неизвестным вовсе. Первый. В центре учения о биосфере стоит человек, не просто психологический или социальный тип, — человек как своеобразный представитель живой природы. В общей массе живого вещества биосферы Вернадский выделяет его особую составную часть — человечество. Оно проявляется в виде геологической силы, действующей в планетарном, даже космическом масштабе.

Так происходит потому, что человек неразрывно связан в одно целое с жизнью всех живущих организмов. Он не является независящим от окружающей среды существом. Своей активностью посредством орудий труда человек преобразует поверхность планеты. Масштабная деятельность человечества и его распространение по земной поверхности меняют химические свойства земной коры. А поскольку отдельный организм и среда биогеохимически едины, то изменяя течение химических процессов, человечество совершает работу космического характера; в результате эволюции возникает новая геологическая сила — научная мысль человечества. Преобразованная разумом и трудом человека окружающая природа, биосфера переходит в свое новое качество — ноосферу — "область жизни, управляемую разумом" (9).

Ноосферная идея Вернадского о космической роли человека и его планетарной, вселенской сопричастности, как видно, возвращает современное знание на очередном витке развития научной мысли к духовным прозрениям интуитивного Востока и построениям рационального Запада, но уже не в мифологическом и натурфилософском аспекте, а в естественнонаучном плане.

И второй подход, — связан с отысканием "восточных корней", когда речь идет о научной интерпретации учения о ноосфере. В академическом архиве хранится ряд рукописей Б.Л.Личкова, ученика Вернадского, уясняющих концепцию ноосферы, — "Воззрения В.И. Вернадского на биосферу и ноосферу" (1963), "Прогресс человеческой жизни, будущее человечества и ноосфера" (1964), "Ноосфера и будущее человечества (Опыт прогноза)" (1964-1965) (10). В одной из своих работ идею ноосферы Личков связывает с моральным обликом людей, нравственным началом цивилизации. Ноосфера, как будущее состояние человечества, зарождалась в глубокой древности; она не формируется исключительно в настоящий момент истории, а формировалась в те периоды эволюции человечества, когда приходили его лучшие представители, его пророки. С приходом пророков с Востока и зачинались очаги ноосферы; в них будировалась человеческая мысль и, благодаря этому, позже появилась европейская культура, базирующаяся на прочном фундаменте христианства. Приведем фрагмент неизвестной рукописи Личкова; слово автора говорит само за себя, лучше многих разъяснительных фраз и комментариев. "Называя Моисея и особенно Христа с их заповедями, мы выдвигаем их здесь не как религиозных деятелей того или иного направления, а как мыслителей-моралистов, которые создали как бы первое пришествие ноосферы с основными ее принципами. В качестве таких же примеров мы могли бы взять Будду или Конфуция, и они говорили бы о том же — о всеобщем равенстве, воплощенном пока не в действительности, а в правилах заповедей. Они преддверие, грядущий вклад ноосферы с ее могуществом и силами. Их правила, это, можно сказать, преддверие грядущей за ними ноосферы. Это, можно сказать, первые моральные правила, говорящие о периоде ноосферы" (11).

4. Пневматосфера

История идей неизменно связана с судьбой человеческой личности. Так бывает всегда, потому что творец идеи

соединяет в своих мыслях опыт всей жизни — тот опыт, который является результатом индивидуальных устремлений и творческих исканий целых групп мыслителей и ученых.

Примером такого научного союза, давшего естествознанию XX столетия представления о ноосфере и пневматосфере, выступает скрещение жизненных путей В.И.Вернадского и П.А.Флоренского в точке их научного апогея. Каждый из них развивал собственное "цельное мировоззрение". И, вместе с тем, научные контакты ученых оплодотворили ту почву, на которой произросли плоды их самобытных научных открытий.

Задача исследователя — установить генетическую природу связи двух концептуальных понятий и проторить путь к осмыслению космического феномена пневматосферы. Однако, прежде чем анализировать сходство или различие понятий "ноосферы" (сферы разума) и "пневматосферы" (сферы духа), сформулированных соответственно Вернадским и Флоренским, осветим историю их личных взаимоотношений. Дружеские контакты и связи ученых — это отношения сотрудников и сомысленников, особый пласт реальности, в котором зарождаются будущие кристаллы мыслей.

Единственной на сегодня основой для рассмотрения взаимоотношений Вернадского и Флоренского может служить переписка ученых, а также выборочные дневниковые записи Вернадского. Переписка Вернадского и Флоренского имеет непреходящее значение с точки зрения представления о ноосфере и пневматосфере, которые, в зависимости от традиции научной или философской, наделены понятием космического и абсолютного. Конечно, письма исключают возможность воссоздать целостную картину, они обнаруживают лишь отдельные образы и цепочки понятий. Здесь будут приведены некоторые фрагменты писем и материалов, хранящиеся в архиве Российской АН (Москва). Письма П.А.Флоренского к В.И.Вернадскому составляют 6 единиц (4 автограф, 3 авторизированная машинопись) вместе с запиской и конвертом — Ф.518, оп.3, д.1730, 11 л.

И последнее, очень важная мысль для понимания творчества Флоренского. Генетически русская культура связана

с миром христианского Востока, культурами Сирии и Египта, а вместе с ней своим родословием через Закавказье связан и Павел Флоренский (12). Этот факт связанности Флоренского и через поле культуры, и через поле жизни с Востоком существенно важен для концептуального взгляда на вещи и, в частности, для того, чтобы, пусть даже опосредованно, но ясно увидеть восточные течения в судьбе Вернадского.

Переписка Вернадского и Флоренского приходится на 1927-1933 годы — один из наиболее сложных периодов отечественной науки, характеризующийся одновременно и напряженностью человеческой жизни, и силой творческой мысли. Первое знакомство ученых относится к началу века, когда Флоренский, будучи студентом-математиком, слушал в Московском университете лекции Вернадского и вполне "мог бы считать его своим учителем" (13).

Имя Флоренского появилось в дневниках Вернадского в 1921 году, в те дни, когда Владимир Иванович возвращался в Петроград из Симферополя, где в течение года он был ректором Таврического университета. В пути, в вагоне поезда, Вернадский читал книгу Флоренского "Столп и утверждение Истины". Он дал высокую оценку ученому и мыслителю. Первая дневниковая запись: "27.II.1921. Лозовая. <...> Теперь начал читать Флоренского — Оплот и утверждение истины. Книга, кажется, очень интересная. Я страшно ценю самостоятельное творчество, какую бы форму оно ни принимало. Здесь чувствуется сильная и оригинальная личность" (14).

Далее Вернадский характеризует философскую доктрину прочитанного текста "Столпа". Он обращает внимание на главную философскую тенденцию века, которая уходит корнями в культ Божьей Матери. Ведь Флоренский, как представитель православной линии в философии, развивающейся в результате синтеза древнерусского язычества и греческой религиозно-философской мысли, является одним из создателей софийной концепции. "4.III.1921. <...> Вчера вечером большой разговор с П.П.Кудр<явцевым> о Св.Софии в связи с Флоренским, которого сегодня кончил <читать>.

Много интересного. Как будто идет новое творчество религии: Богородица. Теперь Св.София не ангел, не человек, создание божие, не бог. Удивительно, что Ф<лоренский> бросил в стороне весь гностиц<изм>. К<удрявцев> считает, что софийники (В.Соловьев, Флоренский, Булгаков, Е.Трубецкой и др.) — новое течение" (15).

Первое из известных писем Флоренского к Вернадскому относится к 30 ноября 1927 года. В нем высказан интерес Флоренского к трудам Вернадского по минералогии и кристаллографии. Необходимость изучения этих специальных работ была вызвана исследованиями Флоренского в области электротехнического материаловедения, т.к. в тот период он работал в Государственном экспериментальном электротехническом институте.

Обращает на себя внимание тот факт, что начало переписки совпадает с упоминанием имени Флоренского в письмах к Вернадскому других ученых. Возможно, именно к этому времени относится их непосредственное знакомство. Вернадский развернул в 1927 году активную деятельность по привлечению к работе известных ученых после реорганизации академической Комиссии по истории знаний.

Круг вопросов, встречающихся в переписке Вернадского и Флоренского, разнообразен и поражает глубиной проникновения в культурное и историческое прошлое. Между ними происходит обмен научными изданиями и библиографическими данными. Сотрудничество ученых разворачивается в рамках деятельности Комиссии по истории знаний — Флоренский готовит к публикации материал по истории научной терминологии.В полной мере сотрудничество Флоренского с Комиссией не осуществилось. Этому послужил ряд причин, среди которых, с одной стороны — ослабление деятельности Комиссии и ее тяжелое идеологическое и финансовое положение, а с другой — арест и последовавшая за ним ссылка самого Флоренского. Однако, замысел Флоренского нашел отражение в его Словаре символов "Symbolarium".

Значительная часть переписки Флоренского и Вернадского уже опубликована (16), она поражает богатством мыс-

лей и научных идей. Отношения ученых в некоторой степени может охарактеризовать оценка личности Флоренского, которую дал Вернадский в письме к президенту Академии наук СССР академику В.Л.Комарову от 21 мая 1943 года. Он писал, что Флоренский, "бывший профессор философии или богословия Духовной Академии и в то же время теолог и философ, очень выдающийся человек, кончивший математический факультет, в советское время долго заведовал какой-то лабораторией. <...> Это редкое совмещение богослова и экспериментатора и математика указывает его талантливость. Я помню, когда я был еще профессором в Москве, его диссертация в Духовной Академии — Столп и утверждение истины — произвела огромное впечатление. Я прочел потом эту книгу и нахожу ее чрезвычайно интересной" (17).

Ядром переписки становятся вопросы научного мировоззрения. Поиск единой картины мира приводит и Вернадского, и Флоренского к выводу о многомерности плана жизни и пространства планеты. В этой конструкции мироздания решающее значение имеет абсолютное начало Космоса, который является единственной мировой реальностью. В подтверждение такого взгляда приведем еще один фрагмент, воссоздающий оригинальное слово Вернадского к своему единомышленнику. Письмо Флоренскому от 13.X.1929: "Я вечером 16-го делаю доклад в Обществе Испытателей природы "Об изучении явлений жизни и новой физике". Мне кажется, мы сейчас переживаем очень ответственный перелом в научном мировоззрении. Впервые в научное мировоззрение должны войти явления жизни и, может быть, мы подойдем к ослаблению того противоречия, какое наблюдается между научным представлением о Космосе и философским или религиозным его построением. Ведь сейчас все дорогое для человечества не находит в нем — в научном образе Космоса — места" (18).

Образ Космоса в его научном рассмотрении воплощен в создании представлений о ноосфере и пневматосфере. И у Вернадского, и у Флоренского он свой, он несет отпечаток индивидуального творчества. Но в их научных построениях угадывается единомыслие как результат творческого сотруд-

ничества. Именно поэтому пневматосфера Флоренского становится более доступной для понимания через учение о биосфере и ноосфере. Источником сведений о сводимом характере этих понятий — пневматосферы и ноосферы — служит для нас письмо Флоренского от 21.X1.1929 г. Изложение идеи пневматосферы очерчено в нем только легкими штрихами, так как, по мнению автора, "подобный вопрос не следовало бы и закреплять письменно". Тем не менее, долг исследователя обязывает как можно шире процитировать это малоизвестное письмо, чтобы уберечься от ложных суждений. Итак, Флоренский — Вернадскому: "Мне давно хотелось выразить Вам свою радость по поводу Ваших последних геохимических работ, в особенности — по поводу концепции биосферы. Однако сделать это лично не удается, и потому позвольте высказать свою признательность в нескольких словах письменно. Общее направление Ваших мыслей не было для меня новостью, и, мне кажется, оно не может быть новостью ни для кого, вдумывающегося в основы и методы науки о космосе и учитывающего исторический ход наших знаний. В этом — высшая похвала Вам. Слово наука о космосе пишу не случайно, ибо для науки, в противоположность произвольному схемостроительству и системоверию, космос ограничивается биосферой, а все остальное относится либо к области домыслов, либо к формальным соотношениям, конкретное значение которых весьма многозначно. От души приветствую, что Вы имели мужество назвать мнимое знание о внутренности Земли настоящим именем. <...>

Подобно<е> тому, что Вы говорите о внутренности Земли, необходимо развить и в отношении внешнего биосфере пространства. Тому, кто сколько-нибудь вникал в основания геометрии и в ее психофизиологические и физические источники, не может не быть очевидной произвольность истолкования данных астрономического опыта. <...> В истории общественного сознания следует считать событием огромной важности, что явление жизни, наиболее близкий нам и доступный и бесспорный факт, Вы и Ваша школа сделали предметом особого внимания и изучения и предметом космической категории. В частности, мне представляется

чрезвычайно многообещающим высказываемое Вами положение о неотъемлмеости от жизни того вещества, которое вовлечено (или, может быть, точнее сказать, просто участвует) в круговорот жизни. <...>

Переходя на новый путь и провозглашая "верность земле", т.е. биосферическому опыту, мы должны настаивать на категориальном характере понятия жизни, т.е. коренном, и во всяком случае не выводимом из наивных моделей механики факта жизни, но, наоборот, их порождающем. <...> Со своей же стороны, хочу высказать мысль, нуждающуюся в конкретном обосновании и представляющую скорее эвристическое начало. Это именно мысль о существовании в биосфере или, может быть, на биосфере того, что можно было бы назвать пневматосферой, т.е. о существовании особой части вещества, вовлеченной в круговорот культуры, или точнее, круговорот духа. Несводимость этого круговорота к общему круговороту жизни едва ли может подлежать сомнению. Но есть много данных, правда, еще недостаточно оформленных, намекающих на особую стойкость вещественных образований, проработанных духом, например, предметов искусства. Это заставляет подозревать существование и соответственно особой сферы вещества в космосе" (19).

Таким образом, пневматосфера — это особая область жизни, вовлеченная в круговорот культуры; другими словами, это сфера человеческого духа, которая связана с жизнью планеты и в то же время имеет самостоятельное космическое бытие. Она есть результат видоизменения биосферы, т.е. преображения живого вещества и воскресения его в форме светоносной космической материи, что отвечает по сути автотрофности. В таком истолковании пневматосфера приближена к ноосфере Вернадского. Это тем более справедливо, ибо учение об автотрофности начинает складываться у Вернадского к концу 20-х годов. Из него позже появляется как органичный элемент понятие ноосферы — области творческой мысли и свободного труда. Через 10 лет, к концу 30-х годов, ученый развивает свои мысли: ноосфера включает область человеческой культуры, где определяющее значение имеет мысль человека (20).

Сравнительный взгляд на идеи пневматосферы и ноосферы дает единый контекст представлений (через контекст культуры) и допускает генетическую связь в формировании этих понятий. Современные исследования, возможно, приблизят нас к научным фактам, которые смогут устранить противоречивость терминов и открыть единую "сферу" неперсонифицированной энергии, пронизывающей всю множественную Вселенную.

5. Алтай

В истории, в культуре Восток проявлен разными гранями. Однако, представить Восток без Сибири — целого азиатского континента — невозможно. И тем более невозможно понять Восток, не прикоснувшись к его сердцу — Алтаю. (Алтай отстоит на равном расстоянии от четырех океанов!). Он занимает не только южную часть Западной Сибири — прежние географические границы Алтая захватывали часть Казахстана, часть северных территорий, включая Томск, вплоть до Байкала, — но и алтайскую Гоби в Монголии.

Алтай органично вошел в теоретическое наследие Вернадского, на фоне тех глубоких мыслей, которые он посвятил изучению Сибири и Крайнего Севера. Можно было бы и не связывать творчество Вернадского с Алтаем напрямую, а взять шире — Урал, Байкал, вообще Сибирь. Но хотелось бы сказать именно об Алтае.

Вернадский, выдвигая свою научную программу — концепцию биосферы, говорил о переходе человечества к новой ступени развития, новой общности с природой. Взаимосвязь всего живого на планете реализуется через мельчайшие частицы — атомы элементов, которые взаимодействуют друг с другом, образуя единый круговорот мира. Алтай — это уникальное место, где представлена почти вся таблица Менделеева. В сочетании с богатейшими природными ресурсами Алтая — почвами, лесами, реками, озерами — возникает феноменальная геологическая ситуация. Однажды Вернад-

ский заметил в письме к академику А.Е. Ферсману: "Сибирь — страна еще большего будущего, чем Россия" (21).

Вернадский побывал на Алтае всего один раз, в 1916 году. Он приехал туда, имея за плечами многолетний опыт изучения Урала и Сибири. Экспедиция на Алтай явилась практически завершением целого жизненного этапа, потому что Сибирь — это особая страница в жизни ученого. Развитие и возрождение Сибири он рассматривал кардинальным пунктом всей государственной политики страны. В феврале 1917 года им была опубликована программная работа "Задачи науки в связи с государственной политикой в России", где он пишет, что "одной из важнейших задач русской государственности должно явиться сознательное участие в <...> возрождении Азии" (22). Вернадский верил в будущее Сибири, в ее огромные богатства, сосредоточенные на бескрайних землях. Силы природы, которые используются людьми, полезные ископаемые, водные ресурсы, лес и т.п. — в России больше связаны с Азией, чем с территорией Европы. Геохимический потенциал возможностей сосредоточен в Сибири. Именно это обстоятельство и обуславливает необходимость концентрации всех сил на Востоке, необходимость развития там сферы науки, экономики, культуры.

Мысль об изучении Сибири стала своеобразной научной формулой, выдвинутой Вернадским и вошедшей в программу, которая была разработана Комиссией по естественным производительным силам России (КЕПС). Учрежденная в 1915 году академиком Вернадским, КЕПС явилась основой создания большого числа научно-исследовательских учреждений СССР. Комиссия наметила в те годы планы всестороннего изучения прошлого и настоящего России и в т.ч. ее азиатской части в самых разнообразных направлениях: природные и экономические ресурсы, история и языкознание, литература и искусство, фольклор и религиоведение. И это в высшей степени значительно, т.к. Сибирь и, в частности, Алтай — это пространства, на которых сосредоточены древние памятники — петроглифы, менгиры, курганы, говорящие о путях переселения славянских и арийских племен. Алтай был горнилом, в котором выплавлялась буду-

щая "сибирская" цивилизация, мостом, связывающим Европу и Индию. Он сформировался как универсальный очаг культуры, дошедший до нас, но скрытый все еще разнообразными напластованиями истории. Вернадский в этой связи писал, что естественные производительные силы Азии в едва ли сравнимой степени превышают естественные производительные силы Европы: "Азиатская Россия не только по величине превышает Россию Европейскую. Она превышает ее по потенциальной энергии. По мере того, как начинается правильное использование наших естественных производительных сил, центр жизни нашей страны будет все более и более передвигаться, как это давно уже правильно отметил Д.И.Менделеев, на восток, — должно быть, в южную часть Западной Сибири. Россия во все большей и большей степени будет расти и развиваться за счет своей Азиатской части, таящей в себе едва затронутые зиждительные силы" (23).

Сибирь для Вернадского представлялась сокровищницей нераскрытых возможностей. Продолжая традиции вдохновителей отечественных исследований Сибири и Крайнего Севера — Татищева, Миллера, Ломоносова, Бэра, Менделеева, он развернул в Академии наук целую программу научных экспедиций по изучению восточных территорий России. Его, так же как и Ломоносова, влекут идеалы далекой Индии и древние пути легендарных гипербореев.

В январе-феврале 1917 года Вернадский выступил в Академии наук с записками о необходимости организации государственной сети исследовательских институтов и об изучении Азии. В 1921 году он поднял вопрос о возобновлении исследований (продолжение работы И.Д.Черского) северо-восточной части Сибири; Вернадский руководил снаряжением в Сибирь метеоритной экспедиции Л.А.Кулика.

Первые научные экспедиции Вернадского на Урал и в Сибирь относятся к 90-м годам прошлого века. С этого времени начинаются исследовательсткие поездки. Большое значение для ученого имело посещение Урала летом 1895 года, совместно с геологом В.Д.Соколовым, для изучения минералов. Позже Вернадский писал в "Хронологии" своей жизни: "Урал в моей научной работе играл огромную роль"

(24). Ученый предпринял ряд экспедиций в Оренбургскую, Томскую губернии и северовосточные районы Сибири. Исследования в Сибири относились к самому широкому спектру наук: геологии, минералогии, метеоритики, др. Можно обратиться к докладу Вернадского об изучении сероводорода в Сибири, который свидетельствует о глубине творческой мысли ученого и широте научного подхода. Доклад был прочитан им в 1922 году, в Минералогическом обществе. "Сейчас интенсивно изучается Сибирь. В ближайшие годы вероятно — в связи с общим мировым поднятием значения Азии это изучение станет еще более интенсивным и мне хочется обратить внимание геологов на те явления, которые обычно упускаются из вида, а между тем легко могут быть получены — без всякого иногда труда и попутно при геолог<ических> полевых работах. Собирая разбросанные факты по сероводороду Сибири, я на каждом шагу встречался с недостатком фактов и потому хотел на них обратить внимание в связном изложении, тем более, что в той сводке, какую я даю в своей описательной минералогии — она легко могла не обратить на себя внимание, т.к. все эти перечисления указаний на H_2S не являются достаточно удобо читаемыми" (25). Далее в этом докладе Вернадский сообщает некоторые из выводов, полученных при обработке данных по сероводороду в Сибири.

Важный этап жизни Вернадского — посещение Алтая, предпринятое летом 1916 года совместно с его учеником А.Е.Ферсманом, тогда уже известным ученым. Их экспедиция была связана с возможным нахождением на Алтае алюминиевых руд. Ученые намеревались выяснить местонахождения бокситов, признаки которых были обнаружены ранее в районе Сузунского Завода (теперь р.п. Сузун, Новосибирская обл.). Вернадского интересовали также и месторождения других полезных ископаемых. В письме к минералогу Я.В.Самойлову он впоследствии писал: "Сейчас Алтай возрождается, особенно Риддерск (золото и цинк). Первый цинк уже поступил в дело" (26). В планы экспедиции входило, при благоприятных возможностях посещение Риддерского и Змеиногорского рудников. Поездка на Алтай оказалась для Вернадского более интересной, чем он предполагал вначале.

Итак, ученые выехали из Петрограда 28 июня 1916 года (по некоторым данным 29 июня). Через четыре дня они прибыли в Новосибирск (Новониколаевск) и утром 3 июля выехали на Алтай. В письме к своему сыну Вернадский сообщал: "Дорогой мой, пришлось переночевать в Новониколаевске и только сегодня утром ехать в Барнаул, куда приедем через 10 часов. <...> Здесь уже чувствуется Восток" (27). Заметим, что слово "Восток", означающее для иных просто часть света, для Вернадского имело глубокое значение, которое вмещало многообразие научного опыта. В нем было вмещено чувство трепета ученого, возникающее перед видением грандиозных картин будущего, чувство передаваемое близкому человеку, от отца к сыну.

4-7 июля 1916 года, сразу же по прибытии на Алтай, была совершена поездка для выяснения характера вещества, напоминающего "боксит", около с.Лушники (тогда Лушниково, Барнаульского уезда, Томской губернии). Экспедиция отправилась по маршруту: пароходом из Барнаула вниз по реке Оби до села Нижний Сузун, оттуда на лошадях на Сузунский Завод и далее — села Болтово, Лушники, Битки, Шарчинo, Карасево, на железнодорожный узел Черепаново и — возвращение поездом в Барнаул. В ряде пунктов были сделаны минералогические экскурсии. В окрестностях с.Болтово ученые исследовали залежи желтых и красных глин, которые когда-то поставлялись на Сузунский Завод. В расположенных неподалеку от Завода каменоломнях добывали сланец. Здесь были обнаружены и другие полезные ископаемые: кварц, бурый железняк, марганец, ряд неидентифицированных минералов серебристого и желто-коричневого цветов. Вернадский в своем путевом блокноте записал: "Образцы свежих пород из недавних ломок могут представлять научный интерес" (28).

В результате поездки полноценного месторождения бокситов обнаружить не удалось. Однако, для лабораторных исследований и коллекций были собраны образцы пород и минералов. Наряду с научной программой, Вернадский интересуется бытом крестьян, заносит в путевой дневник географические и этнографические подробности. Вот самые

первые строчки из "Блокнота с геологическими и минералогическими записями по поездке в Сибирь": "Струнная дорога — дорога вдоль телеграфных и телефонных столбов". И далее: "Сайки нет — а есть прекрасный русский хлеб", "Мужики есть грамотные? — Нет, а ребятишки есть" (29).

Второй этап экспедиции был связан с поездкой в юго-западную часть Алтая. Ученые побывали на рудниках в районе Змеиногорска и села Белоусовка (теперь — Восточно-Казахстанская обл., Казахстан) и обратили внимание на открытие новых жил полиметаллических руд. Будущие геологические разведки здесь Вернадский связывал с рудами. Полиметаллические руды, содержащие цинк, свинец, медь и другие компоненты, составляют основу для промышленного развития. После посещения цинкового завода "Энибах руда" Вернадский отметил, что он "будет самым большим в России, здесь до 10% золота" (30). Предвидение оказалось верным. Алтай как средоточие рудных богатств имеет огромное промышленное будущее. Конечно, это будущее зависит от рационального использования природы.

Посещение Алтая дало Вернадскому обильную пищу для раздумий. В дневниковых записях ученого, сделанных в пути между Новосибирском и Барнаулом, встречается осмысление природопользования, задолго до появления этой дисциплины на научном горизонте. "Обдумывая приложение экономических требований (и также экономических законов) к пониманию современных явлений окружающей нас жизни, мы постоянно сталкиваемся с их недостаточностью, с тем, что наблюдаемые явления совершенно не входят в кругозор экономистов, стоят вне рамок их мысли" (31).

Научная экспедиция на Алтай длилась почти месяц и закончилась возвращением в Петроград по Иртышу через Омск 25 июля 1916 года. В дальнейшем Вернадский неоднократно обращался к изучению Сибири, и Алтай был для него "лакмусовой бумагой" для проверки научных идей и проведения научной работы. В этой связи достаточно упомянуть письма академика Веселовского к Вернадскому, в которых освещаются итоги минералогических экскурсий Веселовского по Горному Алтаю (32).

ГЛАВА II
ИСТОЧНИКИ

1. Традиция

Образ Вернадского в нашем сознании неизменно ассоциируется с Петербургом. И для того, чтобы этот образ проявился более отчетливо, взглянем на прошлое Петербурга, тесно связанное с исторической судьбой России. Ведь Россия лежит на перекрестке путей Запада и Востока и испокон века была подвержена вторжениям восточных племен.

Именно Восток впервые принес по-настоящему сильную волну панмонголизма, докатившуюся до западных границ России и рассеявшую здесь всю свою сокрушительную энергию. Нахлынувшая волна принесла освежающие вольные воды и намыла новую твердь, на которой возникло строительство здания русской культуры, — не западно-католической, но широкой, соборной православной культуры, уже несущей будущий синтез Запада и Востока.

Панмонголизм образовал в пределах России иное пространство; оно локализировалось со временем вокруг ее столицы, Петербурга. Петербург смог вместить в себя самые противоположные течения культуры и заключить в своем естестве Запад и Восток одновременно. Не в этой ли совмещенности начал сокрыта двубытийность Града Петрова, о которой твердил А.Белый, — города скорби и радости, города угасающего Запада и восходящего Востока? Не в этом ли двуединстве сверхличного существа Петербурга отразилось грядущее озарение России?

Петербург есть мистическая стихия, в которой разворачивается таинство Востока. Буддийский храм, мусульманская мечеть, древнеегипетские сфинксы насыщают Петербург не только вибрациями других культур, но и приносят с собой пласт иной реальности, вступающей на улицы города. Все становится открытым для жизни Востока. Поэты пишут стихи, художники создают картины. И повсюду — образы Востока. Даже Медный Всадник — божество Петербурга — обретает сакральный смысл, потому что приходит с Востока... И Петербург, наименованный неслучайно, быть может, "Северной Пальмирой" блистает неповторимостью белых ночей. Что такое эти "белые ночи" Петербурга? Только в сочетании пламенный овеществленный Запад и синий бестелесный Восток могут дать фосфорический, по-земному неземной Петербург...

В таком городе родился Вернадский. С одной стороны, — Петербург, дышащий "Востоком", и с другой стороны — семья — внутренний город. Интерес Вернадского к Востоку был подготовлен той атмосферой, которая прежде всего царила в семье его отца, известного в Петербурге профессора политической экономии и статистики Ивана Васильевича Вернадского. В семье Вернадских часто бывали видные ученые и разные знаменитости (И.В.Вернадский состоял членом Вольного Экономического Общества, куда входили Менделеев, Докучаев, Бекетов, др.). Во время оживленных бесед маленький Володя забирался куда-нибудь в дальний угол и слушал разговоры взрослых. Так начинал складываться кругозор будущего ученого. Здесь необходимо сказать об отце.

В архиве Российской Академии наук хранится рукопись статьи И.В. Вернадского "Политические полюсы: Запад и Восток" (1). Отец Вернадского приходит к рассмотрению истории с точки зрения противодействия Востока и Запада. Столкновение двух полюсов исторического мира происходит на фоне "общей жизни человечества", в рамках единого исторического процесса, о чем свидетельствует также выбранный И.В.Вернадским термин "политическое тело". (Сравним с более поздним у его сына —"природное тело").

Приведем фрагмент его статьи, в котором отчетливо чувствуется не разъединенность Запада и Востока, а естественная дополняемость, приобретающая статус единой реальности природного закона. "Законы природы, дробясь в своем проявлении в бесчисленных отношениях по различным местам и временам, в сущности своей остаются всегда неизменными и едиными и обязательными для всего существующего. Полярность есть общий закон в природе, она должна быть и в истории. Если полюсы находят во всех отдельных телах, и если мы принимаем народ за отдельный организм, а государство за тело, то полярность должна существовать и в них. Всякое действие, как и всякое движение, встречает противодействие, сопротивление. Не видим ли мы того же в жизни и стремлениях народов? История показывает нам, что Запад и Восток — два полюса исторического мира" (2).

Нельзя не обратить внимание, что взгляд И.В.Вернадского на историю сродни ведантической идее о едином абсолютном начале, которое существует в творении в различных дифференцированных формах, перетекающих друг в друга, т.е. рождаясь и умирая. Во всяком случае ясно, что И.В.Вернадский, на примере истории Руси, отталкивается в своей концепции от представления о первоначальном единстве полюсов. И затем говорит о появлении нового элемента общности людей, явившегося на Руси с Варягами, как о положительном полюсе. Походы на Византию сделали варяжский элемент отрицательным, однополярным с Византией, были усвоены ее формы (принятие христианства и освоение византийской культуры), и столкновения между этими "политическими телами" прекратились. Позже на Руси происходит расслоение на демократический, вечевый полюс (отрицательный), выраженный более на севере, и аристократический, княжеский полюс (положительный) — на юге. Именно по этой причине происходит борьба княжеств, юга с севером и, при завоевании Руси монголами, — разгром ими юга и пощада севера. И.В.Вернадский разбирает всю историю России как столкновение полюсов. "Полюсной" точкой зрения объясняется и уникальное положение России, совмещающей в себе как бы два полюса, два начала

— Запад и Восток. Примечательно, что первоначальный вариант статьи имел название "Старина и дыхание Востока", и более поздний — "Запад и Восток".

Совершенно очевидно, что оригинальное мышление отца оказало влияние и на сына. Уже со времени обучения Вернадского в Харьковской гимназии, а затем в Петербургском университете, в 70-е и 80-е годы XIX века, возрастает его увлечение философией, в том числе восточной. Начинающий ученый интересуется философскими идеями Платона, Спинозы, Декарта. В стенах университета, будучи членом Научно-литературного общества, он увлекается философскими вопросами естествознания. Приближение к культуре Востока происходит у Вернадского, очевидно, благодаря влиянию его ближайшего друга С.Ф.Ольденбурга, который со временем становится одним из столпов российского востоковедения. В письмах С.Ф.Ольденбурга конца 80-х годов к Вернадскому и близким друзьям часто встречается его восхищение Индией; он неистово изучает санскрит и индийскую философскую мысль.

По окончании университета Вернадский быстро становится известным в научном мире своими исследованиями в области минералогии и кристаллографии; он уже сам читает лекции в Московском университете. К этому времени относится интересный факт, изложенный в дневнике Вернадского, из которого чувствуется его глубокое знание буддизма. Этот факт касается разговора Вернадского с Н.В.Бугаевым, математиком, профессором Московского университета (отцом поэта и писателя А.Белого!). Бугаев — большой знаток Востока, он сумел даже применить буддийские идеи для создания собственной теории "живых монад", поэтому поддержать с ним разговор о буддизме требовало для Вернадского немалых познаний в этой области. Дневниковая запись: "21.X.1890. Вчера подал декану Бугаеву мое распределение предполагаемых лекций с будущего январского семестра. Бугаев встретил меня очень любезно; но разговор с ним был весьма оригинальный. Он зашел <...> о буддизме, о Нирване, и затем <Бугаев> с увлечением начал излагать мне свою теорию живых монад" (3). Заметим, что сам Бугаев

впоследствии с большим почтением отзывался о немногих коротких встречах с Вернадским, признавая в нем человека редкого интеллекта и больших знаний. Не случайно и А.Белый слушал лекции Вернадского в Московском университете.

В 80-х и 90-х годах прошлого столетия Вернадский, будучи членом Братства — кружка единомышленников, посвятивших свою жизнь идеалам науки, культуры и прогресса, — сотрудничает вместе с друзьями на ниве народного образования. Он разрабатывает темы лекций для народа, думает об устройстве библиотек, стремится "дать возможность знать чужие догматы". Наряду с чтением лекций, в которых излагаются произведения Гуса, Марка Аврелия, Сократа, Лютера, Цвингли, он имеет план ознакомления широких масс с основами буддизма.

Вернадский, на новом витке жизни, связанном с его становлением как ученого-естествоиспытателя, ставит перед собой задачу изучения мирового философского наследия. Возможно, именно тогда, на рубеже XIX и XX веков, ему впервые удалось по-настоящему проникнуть в мир древних образов Востока, столь необычных для человека Запада и столь современных ему по духу. Он с увлечением читает "Историю индийской философии" Дойссена и поэтические гимны Вед, поражающие глубиной и великолепием.

Ученый размышляет о древнем искусстве Японии. Наглядный пример — посещение Вернадским художественного Японского отдела Международной выставки в Париже (1900). Он сравнивает пейзажи старых и современных японских мастеров и видит в них одно начало, направленное на познание Природы — "Как-то сильно чувствуется единое, вечное стремление к истине, которое теперь все больше и больше захватывает мир" (4).

2.Веданта

С 20-х годов XX столетия, когда марксизм становится господствующей идеологией в России, Вернадский как бы в

противовес начинает систематически изучать восточную философию. Индуизм, буддизм, учения Конфуция, Лао-Дзы являются предметом особого интереса со стороны ученого. Ежедневно в рабочий кабинет Вернадского доставлялись связки книг, среди которых важное место занимали издания по философии, истории религии и искусства. "Вернадский заказывал книги о различных европейских, индийских, китайских и др. философах и их учениях", — вспоминает С.В.Ренц-Здравомыслова (5), долгий период выполнявшая заказы академика Вернадского на научную и философскую литературу. В настоящее время в библиотеке Кабинета—музея им. В.И.Вернадского сохранились издания по философии Востока таких известных авторов, как С.Радхакришнан, О.Розенберг, Ф.И.Щербатской, П.Массон-Урсель, др. (6).

Особый подъем интереса к философии Вернадский переживает во Франции во время пребывания в научной командировке (1922-1926). В Париже ученый посещает философские диспуты, обсуждает философские проблемы с друзьями. Беседы с М.Кюри привлекают его внимание к проблеме симметрии и диссимметрии, которые разрабатывались ее мужем. Вернадский отмечает, что идеи Л.Пастера и П.Кюри требуют не только научного, но и философского развития. Он пишет специальное исследование "Принцип симметрии в науке и философии" (7). В этой работе ученый изучает отдельные факты и приходит к заключению об универсальности принципа симметрии, распространяя его от явлений микромира до мировых пространств Космоса. В связи с исследованиями Н.Бора в области строения атома Вернадский также размышлял о всеобщности проявления законов материи: сходство планетной системы и строения атома кажется ему не случайным совпадением, а является проявлением единства Вселенной.

Приведенные здесь факты из биографии Вернадского подтверждают исключительно ассоциативный характер его мышления, особенно проявившийся в парижский период жизни ученого. Этим объясняется, видимо, и его стремление извлечь ассоциации из восточных философских систем, нетрадиционных для западного ученого. Вернадский называет

западных философов Леви (S.Levy), Миллиха (Millih), Массона-Урселя (Masson Ourcel) "мыслящими по восточному", видящими горизонты научного поиска истины; по оценке Вернадского, они уже " продвинулись в новом научном знании" (8). Вернадский правильно осмысливает тенденцию, нарождающуюся в среде западных философов, он очерчивает достижения мировой культуры как единый планетарный процесс. После посещения в Париже одного из диспутов, где выступал Массон-Урсель, Вернадский записал в своем дневнике: "19.VI. <1923>. M<asson> O<urcel> ярко проводит необходимость логически единого процесса мысли всего человечества. Невозможность основываться на единой культуре христианства и в Евр<опе> теперь ясна. Китай, Индия глубоко охватывают человечество. Искусство, поэзия, философия" (9).

Философская концепция П.Массона-Урселя явилась для Вернадского мерилом новых синтетических тенденций в культуре Запада. Во Франции ученый знакомится с работами Массона-Урселя, в которых его захватывает сравнительный анализ западной и восточной философии, влияние философии Востока на европейскую науку и культуру. Однако толкования Массона-Урселя не удовлетворяют ученого, затронутой области Вернадский придает более глубокое значение. Он пишет из Парижа своему ученику Б.Л.Личкову: "Для меня наиболее любопытны течения восточной мысли, ее влияние и неотомизм. А с этим связано резкое изменение взглядов на ход развития человеческой мысли" (10).

Среди разнообразия систем западной и восточной философии Вернадского привлекает индийская философия. В одном из своих писем к секретарю Индийского Общества биологической химии М.Шриниваза́йа (Sreenivasaya) он писал: "Я являюсь старым поклонником Индийского мира и его большого выдвижения, и я думаю, что вступление индийских мыслителей и ученых в научную работу человечества, которая идет в последние десятилетия, расширяет ограниченное мышление Запада (и Востока), обогащая достижения европейско-азиатской жизни" (11). Причина такого предпочтения, по оценкам самого Вернадского, связана с глубокими социальными процессами, происходящими в первой полови-

не XX столетия в странах Азии. Социальные сдвиги привели к вступлению индийской мысли в мировой план духовной деятельности человечества. Индийская философия, возрождающаяся в противовес влиянию точного знания, стала представлять значительный интерес для западной науки; а некоторые философские идеи Адвайта-Веданты, по мнению Вернадского, даже опередили западно-европейскую мысль и могут иметь для современной науки незаменимую ценность. "И в новой, и в старой индусской мысли есть философские течения, ничем не противоречащие нашей современной науке (меньше ей противоречащие, чем многие философские системы Запада), как, например, некоторые системы, связанные с Адвайта-Ведантой" (12).

В своей рукописи "Философские мысли натуралиста" (1938), вышедшей уже в наше время тремя изданиями, Вернадский разрабатывает проблему взаимопроникновения науки и философии. (Впервые он упоминает об этом в начале 30-х годов в письме к академику С.Ф.Ольденбургу). Она ставится им широко, вне рамок академической науки. Основная мысль Вернадского: научные истины могут быть почерпнуты не обязательно из первоисточников, из творений мыслителей и ученых, но даже из популярной, художественной литературы. Как пример Вернадский приводит произведения Р.Роллана — "Жизнь Рамакришны" и "Вселенское евангелие Вивекананды" (13).

Упоминание Вернадским книг Р.Роллана таит в себе гораздо больше смысла, чем кажется на первый взгляд. Знакомство с жизнеописаниями Рамакришны и Вивекананды (представляющих философию Адвайта-Веданты) и их идеями позволило ученому, возможно, в более ясной и доступной форме понять связь философии с окружающей жизнью. Можно сказать, что научное творчество Вернадского оказалось, до некоторой степени, под влиянием Веданты. Сохранилось единственное, но весомое документальное свидетельство — письмо Вернадского к И.М.Гревсу от 22 августа 1936 года. "Через Гете я пришел к Р.Роллану... На днях закончил чтение его книжки о Рамакришне, которая мне дала так много, как давно ни одна книга. Заставила

глубоко думать и вызвала порыв писать по вечным вопросам бытия. Не философский, не религиозный порыв — но форму научной исповеди. <...> Во всяком случае он дал мне понять, что мы живем в эпоху, когда современниками являются великие индусы — равных среди европейцев, как личностей — я не знаю: Рамакришна, Ганди, Вивекананда!" (14).

Другой значимый факт, являющийся документальным подтверждением интереса Вернадского к Веданте, — книги из его личной библиотеки — 7-томное собрание сочинений на английском языке Свами Вивекананды "The Complete Works" (15). Оно было обнаружено в 1977 году в Ленинграде, в библиотеке Академи наук СССР. Собрание сочинений Св.Вивекананды было приобретено ученым во время его поездки в Англию в сентябре 1923 года. Впоследствии, при переезде в Москву (1935), он передал его библиотеке Академии наук. По обыкновению Вернадский тщательно работал с приобретенными книгами, а затем большими партиями передавал их в библиотеку, оставляя у себя наиболее необходимые и памятные издания. Принадлежность данного собрания книг В.И.Вернадскому установлена по записям в дневниках ученого и по отметкам на титульном листе каждого тома сочинений — "Акад. Вернадский" (16).

Сочинения Свами Вивекананды представляют также интерес с точки зрения воссоздания творческой лаборатории ученого. Индивидуальный творческий опыт Вернадского приводит его к убеждению, что развитие научной мысли связано с идеями о синтезе науки, философии, религии и искусства. Эти мысли одним из первых выдвинул Свами Вивекананда. Представления Вернадского о планетарных биогеохимических циклах созвучны представлениям Веданты о природных и космических циклах.

И еще одна близкая параллель. Для Вернадского характерна целостность восприятия Природы. Основываясь на геохимическом подходе, он выдвинул как аксиому положение о невозможности отделить человека и человеческое сознание от целого окружающей природы. Такой подход с позиции единства мира характерен для философии Адвайта-Веданты.

505

Himalayan Series.—No. XV

The Complete Works

OF

THE SWAMI VIVEKANANDA

COMPRISING ALL HIS LECTURES, ADDRESSES AND DISCOURSES DELIVERED IN EUROPE, AMERICA AND INDIA; ALL HIS WRITINGS IN PROSE AND POETRY, TOGETHER WITH TRANSLATIONS OF THOSE WRITTEN IN BENGALI AND SANSKRIT; REPORTS OF HIS INTERVIEWS AND HIS REPLIES TO THE VARIOUS ADDRESSES OF WELCOME; HIS SAYINGS AND EPISTLES,—PRIVATE AND PUBLIC—ORIGINAL AND TRANSLATED; WITH AN INDEX.

CAREFULLY REVISED AND EDITED.

उत्तिष्ठत जाग्रत प्राप्य वरान्निबोधत ।

Arise ! Awake ! and stop not till the goal is reached.

Mayavati Memorial Edition.

PART III.

THIRD EDITION.

PRABUDDHA BHARATA OFFICE,
Mayavati, Almora, Himalayas.
1922.

Rs *Cloth Rs. 3/8.*

Собрание сочинений Св.Вивекананды. Титульный лист.

Отметим, что важное значение для понимания тенденций развития современной научной мысли имеет также изучение элементов философской системы А.Гхоша, — его Интегральной Веданты, синтезирующей духовность Востока и интеллект Запада (17).

3. Востоковеды

Взаимосвязи крупнейшего естествоиспытателя нашей эпохи В.И.Вернадского с учеными-востоковедами — тема, на первый взгляд, неожиданная. Однако, при внимательном рассмотрении, она представляет собой интереснейшую область научного исследования.

Школа отечественного востоковедения формировалась на рубеже XIX и XX столетий, в период ренессанса российской культуры. Наибольшего расцвета она достигла в 20-е и 30-е годы нашего века в лице лучших своих представителей — С.Ф.Ольденбурга, Ф.И.Щербатского, И.Ю.Крачковского, В.М.Алексеева, Н.Я.Марра и др. Все они оказались объединены сотрудничеством в стенах Академии наук. Немаловажен и тот факт,что они были связаны даже совместным проживанием в Ленинграде в "академическом доме" (Васильевский остров, 7-я линия, дом 2), создавая редкий магнит творческой мысли. Здесь, на квартирах ученых, часто проходили заседания академических комиссий.

Одной из таких комиссий, которая вышла за пределы частных образований и превратилась в зародыш целого научного направления, стала Комиссия по истории знаний (КИЗ). В этой Комиссии Вернадскому и пришлось тесно сотрудничать с востоковедами. Она была образована в 1921 году и позже, после реорганизации в 1926 году, развернула активную деятельность. (Председателем КИЗ был избран академик Вернадский). Работа Комиссии охватила широкую область исследований — историю науки, философии и техники. При этом внимание ученых сосредоточилось не только на вопросах западной науки и культуры; немаловажное значение придавалось научным и культурным традициям Вос-

тока. Вернадский в "Записке о необходимости создания Комиссии по истории науки, философии и техники" писал: "Становится ясным, что в области истории точного знания и техники роль и значение работы, происходившей среди славянских народов или в области культурного влияния Византии, значение далекого востока Азии и Индии не охвачено мыслью в достаточной мере и должно изменить наши господствующие представления о ходе мировой научной работы" (18). Оценка прошлого научной мысли как единого целого позволила по-новому осветить историческую перспективу и понять будущие пути развития науки. Синтез западной и восточной традиции — идея, впервые научно выраженная Вернадским, она получила реализацию в деятельности КИЗ.

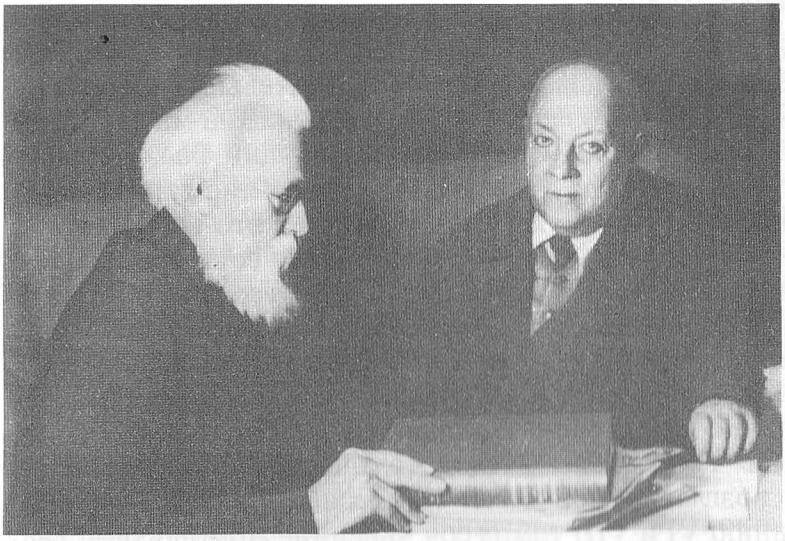
В работе КИЗ приняли участие все ведущие востоковеды России — специалисты, возглавлявшие отдельные направления ориенталистики: С.Ф.Ольденбург (Индия), В.М.Алексеев (Китай), А.А.Фрейман (Иран), И.Ю.Крачковский (арабы), А.Н.Самойлович (тюрки). На заседаниях Комиссии, проходивших, как правило, под председательством академика Вернадского, ими были прочитаны и планировались к прочтению доклады: "История науки в Индии" и "Об индийской философии" (Ф.И.Щербатской), "История западных исследований Восточного Туркестана" (С.Ф.Ольденбург), "Китайская наука" (В.М.Алексеев), "Об изучении времени и пространства у египтян, в Вавилонии и Индии" (И.Ю.Крачковский), "Достижения египетской математики по данным папируса б собрания В.С. Голенищева" (В.В. Струве) (19).

При комиссии существовал специальный кабинет по истории знаний, в котором один из отделов именовался "История науки Востока". В нем собиралась литература по истории знаний и суммировался опыт деятельности по разным направлениям, разрабатываемым КИЗ.

Результаты научных изысканий ученых нашли отражение в серии книг "Труды Комиссии по истории знаний", которая начала выходить в 1927 году. В подготовке материалов этой серии приняли участие крупные отечественные ориенталисты. Вышли в свет книги: Тураев Б.А. "Русская наука о Древнем Востоке до 1917 г." (отдельное издание),

Дом академиков

В.И.Вернадский и А.Е.Ферсман

Чернов С.Н. "К истории изучения восточных монет в середине XVIII в.". Планировались к выпуску — Крачковский И.Ю. "Шейх Тантава, профессор СПб университета (1810 - 1861)," Алексеев В.М. "Китайская история в Китае и Европе". Шла работа по подготовке издания "Каталога арабских рукописей научного содержания".

Ближайшим сотрудником и помощником Вернадского в делах организации деятельности КИЗ, помимо Непременного секретаря Академии наук С.Ф.Ольденбурга, был крупный знаток арабского Востока И.Ю.Крачковский. Он занимал пост заместителя председателя КИЗ (1929 - 1930), а впоследствии находился на должности председателя (с декабря 1931 г.). К концу 20-х — началу 30-х годов, относится основной массив переписки Вернадского и Крачковского.

Еще в начале 1927 года академик Вернадский посылает Крачковскому письмо с предложением включиться в работу КИЗ по востоковедческой тематике. В ответном письме Крачковский пишет: "Ленинград, 20 февраля 1927 г. Многоуважаемый Владимир Иванович, В ответ на Ваше письмо от 13 февраля с.г. спешу сообщить, что я с большим интересом слежу за работой Комиссии по истории знаний и готов принимать участие в ее занятиях, близких мне по темам. Активность моего участия зависит в значительной мере от того, насколько это позволят другие лежащие на мне академические обязанности. Искренно уважающий Вас, И.Крачковский" (20). Сразу же после обмена письмами началось тесное сотрудничество двух ученых. В это время Комиссия участвует в издании полного собрания сочинении М.В. Ломоносова, который одним из первых русских ученых поставил вопрос "практического" востоковедения. Крачковский помогает в поиске материалов для этого издания. "Ленинград, 6 мая 1927 г. Многоуважаемый Владимир Иванович, посылаю Вам сведения о хранящихся в Б<иблиотеке> А<кадемии> Н<аук> материалах Ломоносова по химии и физике для возглавляемой Вами Комисси по истории знаний по изданию VI и VIII томов соч <инений> Ломоносова. Уважающий Вас, И.Крачковский" (21).

В переписке Вернадского и Крачковского обсуждаются также вопросы издания "Трудов Комиссии по истории знаний", планы работы КИЗ, вопросы организации ряда заседаний, к примеру, заседания, посвященного российским бактериологам. Кроме того, обсуждаются и сугубо научные вопросы, в частности — арабский текст по минералогии псевдо-Аристотеля. И, наконец, одно из писем касается необходимости сохранения научного архива крупнейшего медиевиста И.М.Гревса, умершего в Ленинграде в дни блокады.

Среди других востоковедов можно упомянуть академика Н.Я.Марра, который хотя и не был членом КИЗ, но являлся ее активным сотрудником. Он внес большой вклад в издательскую работу. Его участие в деятельности Комиссии было неформальным. Это не было просто исполнением долга ученого; оно строилось на товарищеской основе, сложенной годами совместной с Вернадским научной работы, о чем свидетельствуют их письма. Главное место в переписке Вернадского и Марра занимают вопросы организации науки. Заметим, что в более ранний период сотрудничество ученых отмечено их совместной работой в академической Комиссии по изучению племенного состава России (1917), которая исследовала этнографические и экономические проблемы разноплеменного населения страны, занималась составлением этнографических карт и собиранием статистических сведений. Позже на повестку дня встало создание Грузинской Академии наук, Академий наук на Украине и в Сибири. Вернадский писал в своих воспоминаниях: "Поднят был и вопрос о создании новых академий наук. Я помню, что этот вопрос мы обсуждали вместе с моим старым другом академиком Н.Я.Марром" (22). В переписке ученых упоминаются факты их участия в работе Комиссии по ученым учреждениям при Министерстве народного просвещения. На ее заседаниях обсуждался вопрос о создании Кавказского историко-архивного института; сама идея Кавказского института была выдвинута Марром.

В дневниках академика Вернадского неоднократно встречаются упоминания о встречах с Марром и их беседах. Часто эти беседы имели научный характер. Одна из таких

записей: "Был Марр. <...> Интер<есный> раз<говор> о языке. Язык эволюцион<ирует> в об<ществе>. Единый "язык" — будет не языком, а новым явлением, как наш язык вырос из языка рук" (23).

Связи Вернадского с отечественными востоковедами скреплены научно-организационной работой, личными дружественными отношениями и документально подтверждаются перепиской ученых. Переписка Вернадского с востоковедами хранится в архиве Российской Академии наук и составляет более 200 писем. Среди них: переписка В.И.Вернадского с И.Ю.Крачковским составляет 19 писем, Н.Я.Марром — 5 писем, с В.М.Алексеевым — 6 писем, с Ф. И.Щербатским — 30 писем, с А.Е.Крымским — 30 писем и записка; преобладающее число писем составляет переписка В.И.Вернадского и С.Ф.Ольденбурга. Часть из общего количества писем являются автографами, другая часть — авторизированная машинопись, а также машинописные копии. Для наших исследований интерес представляют письма самого Вернадского. Проблемы, затронутые в них, условно можно разделить на три аспекта — вопросы востоковедения, научные проблемы и организация науки, вопросы, касающиеся сферы личных, дружеских взаимоотношений. В переписке с каждым из востоковедов преобладает тот или иной план жизни.

4.Щербатской

Переписка Вернадского и Щербатского — это предмет подробного исследования. Она является редким примером плодотворного сотрудничества двух крупных ученых, естествоиспытателя и буддолога. Переписка включает 30 писем. (Письма Вернадского составляют 24 единицы — Ф. 725, оп. 3, д. 35; письма Щербатского — 6 единиц — Ф.518, оп. 3, д. 1896). Она имеет большие временные границы: 50 лет — с 1890 по 1940 годы. Переписка Вернадского и Щербатского не может, конечно, передать всей глубины и богатства их взаимоотношений. Так всегда бывает, что завеса истории,

приоткрываясь, обнажает только часть реальности. И часто приходится довольствоваться крупицами знаний, чтобы воссоздать отдельные грани жизни. Сложность задачи в данном случае состоит в том, что имеющиеся письма представляют собой, лишь фрагменты общения, так как ученые жили долгое время в одном городе и работали вместе в системе Академии наук. Они обменивались мыслями в большей мере при встречах, на академических заседаниях, о чем сохранились многочисленные упоминания в письмах. Помимо писем, других свидетельств для оценки их взаимоотношений, кроме дневников Вернадского, мы не имеем.

Первыми письмами ученые обменялись во Франции в апреле 1890 года. Вернадский был в длительной заграничной командировке в Европе, работал в Париже в лабораториях Ле Шителье и Фуке. Щербатской приехал тогда в По, где находился его тяжело больной учитель И.П.Минаев, известный русский востоковед. Ученики прибывали из России, чтобы поочередно дежурить у постели своего учителя. По рекомендации С.Ф.Ольденбурга Щербатской пишет письмо Вернадскому с просьбой разыскать в Париже доктора Потэна (Potin). Встреча Вернадского и Щербатского произошла позже, спустя десять лет, летом 1900 года, в дни Всемирной Выставки в Париже, где одновременно проходил и VIII Международный Геологический конгресс. К этой встрече Вернадский был уже подготовлен восприятием Востока, обладая достаточными знаниями в области восточной философии и культуры. Поэтому между ними легко устанавливаются дружеские отношения.

Наиболее интенсивная часть переписки, имеющаяся в нашем распоряжении, датирована периодом 1927-1940 годов. Именно в этот период, с середины 20-х годов, у Вернадского наблюдается повышенный интерес к изучению восточной философии. Дружба со Щербатским, в начале 30-х годов уже буддологом с мировым именем, раскрывает для Вернадского большие возможности в познании Востока. Живое общение со Щербатским формирует у него высокую философскую культуру. "Редкие наши свидания были для меня очень дороги, — пишет Вернадский своему товарищу,

— я мог встречаться в Вашем лице с человеком, который философски мыслит.<...> Мне Вы давали очень много. До Вас Радлов. В Праге Лосский" (24). Печатное слово Щербатского часто вызывало у Вернадского яркие образы и возбуждало творческую мысль ученого. Читая Отчеты Русской Академии за 1923 год, в период своего пребывания в Париже, Вернадский отмечал: "Прекрасная речь Щербатского — много заставляет думать" (25). Запись сделана 2 июня 1924 года.

Переписка Вернадского и Щербатского затрагивает широкий круг научных и философских тем. Развивая идеи о биологическом времени, Вернадский ищет аналогичные понятия и подходы к решению научных проблем в древнеиндийских философских системах. В своих поисках он ориентируется на элементы диалектики в ряде философских школ Вайшешики, Мимансы, Ньяи, др. Попытка искать рациональное в таких концепциях указывает на многогранность творческой натуры ученого. История философии оставила много ярких примеров нахождения зерен истины в самых разнообразных построениях философской мысли. В связи с разработкой представлений о ходе биологических процессов в биосфере Вернадский в одном из своих писем просит Щербатского охарактеризовать ему индийские системы, в которых время есть отдельная субстанция, т.е. "время как время". В ответном письме Щербатской дает полный спектр временных концепций и в конце замечает: "То, что Вам нужно, т.е. "биохимическая энергия", вероятно, соответствовала бы индийскому понятию о карме; это всеобщая пружина бытия..." (26).

Как раз в начале 30-х годов упоминания о Щербатском наиболее часто встречаются в дневниках Вернадского. Одна из записей относится к разговору, состоявшемуся между Вернадским, Ольденбургом и Щербатским, в котором речь шла о завершении работы и об издании книги Щербатского, посвященной истории индийской логики (27). Через месяц после первой записи он делает новую: "Разговор с<о> Щербатским. Всегда интересный. Чувствует, что все сейчас так или иначе учитывают давление диал<ектического> матер<иализма> и еще невежественно пытаются как-то дока-

зать, что надо понимать иначе. Ищут выхода" (28). Здесь, в записях Вернадского, сильно ощущается та политическая атмосфера, в которой проходила научная работа. Политика запретов и насилия над личностью, пресекающая свободную творческую мысль, поставила заграждения в широком развитии востоковедения и философии. Логика и история философии были выброшены как научные дисциплины из преподавания в большинстве учебных заведений. Философская работа уже с начала 20-х годов переместилась в эмиграцию. Невзирая на всеобщее оскудение жизни, Щербатской продолжает читать курс лекций студентам и специалистам. "У Щербатского изучается индийская фил<ософия>" (29).

В архиве академика Вернадского, в папке с письмами Щербатского, имеется еще один интересный документ. Это лист с выписками на немецком языке из труда Щербатского "Три направления в философии буддизма" (30). Анализ текста выписок показывает, что Вернадским выделены мысли, которые позже вошли в его работу "Философские мысли натуралиста" Суммируем сходные идеи. 1) Одновременно, и даже задолго до эллинской средиземноморской цивилизации существовал крупный центр науки и культуры в Северной Индии (доарийский и арийский). 2) Во время зарождения греческой науки и философии — VII-VI век до н.э. в Индии уже процветала традиция логической мысли (Sānkhya, anātma-vāda), оказавшая огромное влияние на цивилизацию Азиатского континента. 3) Среди мировых религий и философий буддизм стоит обособленно благодаря отрицанию всякого неизменного, застывшего бытия ; наряду с другими системами индийской философии он представляет большой интерес для новых областей современной науки, в частности, для наук о природе (31).

Слишком необычным для сознания ученого представляется последнее положение о буддизме. Вернадский считал, что буддизм, вместе с другими религиями, вступает в современную мировую культуру, и в будущем своем развитии наука пойдет "по пути буддизма" (32). Это утверждение (или вопрос!) Вернадского слишком серьезно, чтобы оставить его

хотя бы без малейшего внимания. Запись о буддизме относится ко времени пребывания ученого в Крыму, когда после тяжело перенесенного заболевания сыпным тифом он размышлял об итогах и перспективах своей научной работы. В дни болезни Вернадский пережил при ясном сознании видения картин будущего. В мечтаниях и грезах он осмысливал свою жизнь, осознавал те огромные задачи, которые стояли перед ним и ожидали своего осуществления (создание Международного Института живого вещества, написание книги "<Мысли> перед смертью", др.). Важное место в его видениях занимали религиозно-философские концепции, откуда , видимо, и были вынесены мысли о будущем науки и ее связи с буддизмом. Приведем фрагмент ялтинских дневников Вернадского, где он упоминает о чтении жизнеописания Будды. "Мне хочется сделать несколько сторонних замечаний, как ученому. Путь фантазии (как и сна) капризен и уловить все причины возникновения тех или иных идей проявляющихся при этом так же трудно, как уловить их в сложных событиях жизни. Однако, они все-таки, вероятно, есть или по крайней мере мы можем найти их, подойдя к этим явлениям с точки зрения ученого. И взять для этого некоторые вехи. В начале болезни Нина читала мне "Свет Азии" Арнольда, который мог дать направление моим мечтам" (33).

5. Крымский

Важным источником, помогающим воссоздать востоковедческие интересы Вернадского, его связи с украинской наукой, являются письма востоковеда, академика АН Украины А.Е.Крымского. Письма (Ф.518, оп.3, дд. 880, 881; 28 единиц, все автограф) датированы периодом с 1905 по 1940 годы. Как ориенталист, поэт и беллетрист Крымский оставил интереснейшие письменные свидетельства эпохи, в которых отразились профессиональные и дружеские отношения двух ученых, запечатлен творческий союз научных исканий. Письма Крымского — уникальный архив душевной жизни ученого. В этом очерке, как дополнение к публикуемым

ниже письмам, выведены неизвестные факты взаимоотношений Вернадского и Крымского, отдельные вехи их жизни.

Ученые познакомились осенью 1904 года в Москве, в дни созыва междуведомственной комиссии по случаю положения в высших школах и проходивших в них забастовок. На одном из совещаний, где председательствовал Вернадский, присутствовал и Крымский, будучи делегатом от Лазаревского Института Восточных языков. Интересны воспоминания самого Вернадского о его знакомстве с Крымским, взятые из дневников, но записанные ученым в конце его жизни. "Мое знакомство — и сразу дружба — с Агафангелом Евфимовичем Крымским — профессором Лазаревского Института в Москве. Он пришел ко мне на тайное заседание бюро Акад<емического> союза, как представитель Лазаревск<ого> Инст<итута>. Мне кажется, я был председателем. После заседания он разговаривал со мной, остался обедать и сидел до вечера. Разговоры об Украине, о Драгоманове и т.д. Эта случайная встреча резко отразилась на всей моей жизни, определился мой Киевский период (3.XII. 1940).

По словам А.Е.Крымского, толчком этих заседаний в моей квартире и под моим председательством были совещания официальные у попечителя Моск<овского> окр<уга> пр<офессора> П.А.Некрасова (<р.> 1853). Ввиду надвигавшегося революционного движения правительство собирало в Москве от времени до времени совещания. Здесь выяснились разногласия и либеральная часть профессуры объединилась. После официального заседания собирались отдельно в виде слагавшегося Академич<еского> союза. По словам Кр<ымского>, эти совещания происходили у меня и председательствовал я. Так я встретился с Крымским. (4. X11. 1940)" (34).

Сразу же после знакомства между учеными установились дружеские, сердечные отношения. Они часто встречаются и обсуждают широкий круг научных проблем. В одном из писем Крымский сообщает Вернадскому интересующие его, как геолога и геохимика, сведения о золотых рудниках, которые он почерпнул при чтении индоперсидского историка Фериште. В другом случае — советуется с ним о перспективах развития практического востоковедения в стране,

также разбирает происхождение "половецких рукописей", о которых спрашивает его Вернадский.

Письма Крымского сегодня могут рассматриваться под углом зрения научного, востоковедческого интереса. (Крымский оценивается как крупный знаток истории и культуры Персии, Турции и Закавказья). Однако, невосполненную ценность они представляют и в отношении понимания социальной действительности России в начале нашего века, когда политическая ситуация достигла взрывоопасного напряжения — проходили крестьянские бунты, состоялся съезд великоруссов и поляков, началась первая русская революция. Крымский описывает в письмах исторический период 30-х годов, сталинскую эпоху, — ту атмосферу, в которой жили и работали ученые. Унижение человеческого достоинства, потеря родных, неоправданный голод и невыносимые условия существования — все это создавало среду жизни, где несмотря ни на что билась научная мысль и творческим устремлением строилось будущее.

Кульминационным моментом взаимоотношений ученых стало их сотрудничество по организации в 1918 году Академии наук на Украине. Вернадский, находившийся в то время в Полтаве, возглавил Комиссию по созданию Украинской Академии наук и стал ее первым президентом. Для Вернадского как сложившегося ученого, перед которым открылись перспективы создания учения о биосфере вследствие исследований по живому веществу, это была значительная жертва. И тем не менее, включившись в организационную работу, он сумел осуществить миссию строителя новой академии. Его близким помощником в этой работе был Крымский, являвшийся не только крупным востоковедом, но и филологом, известным своими научными трудами по украинскому фольклору, литературе и языку. Много позже, поздравляя Крымского с 70-летним юбилеем, Вернадский писал в 1941 году: "Дорогой друг — сводя итоги жизни — передо мной проходят наши встречи. В общем единая нить — одна идея: научная творческая работа и свободная культурная работа за Украину и ее родной язык наших предков... И в обоих путях я шел рядом с Вами" (35).

Отношения ученых, складывавшиеся на фоне тяжелых послереволюционных лет, при множестве политических влияний на формирование Украинской Академии наук, не всегда были безоблачными. В течение некоторого времени, весной 1919 года, между ними часто возникали разногласия по вопросам организационной структуры создающейся Академии. Вернадский в своих дневниках указывает две главные причины разногласий: наука и национальное украинское возрождение (36). Фактически, именно различный политический опыт лежал в основании противоречивых взглядов, ибо Вернадский, в противоположность кабинетной работе Крымского, на протяжении десятилетий имел сформировавшееся политическое кредо, начиная от членства в партии кадетов до участия в составе Временного правительства на посту товарища министра народного просвещения. Дневниковая запись Вернадского: "20.IV.<1919>. Как Кр<ымский>, так и с нами живущая типично-русск<ая> интелл<игентка> врач Ек<атерина> Ив<ановна> Шиловцова, умный и хороший человек, <они> все не могут признать, что большевики хуже старого режима. Для Кр<ымского> понятно — украинство, для Шил<овцовой> все еще не отличила идеалы и настоящего социализма. А это переходный период. Мне кажется, идейно начинается смерть социализма" (37). Несмотря на разногласия, ученые сущностно, по своему мировоззрению, были близки друг другу. Близким к научным построениям Вернадского, его представлениям о природе, как о среде проявления единой жизни планеты оказалось и поэтическое, литературное творчество Крымского, в котором он демонстрирует свою слиянность с природой не как с абстрактным понятием, а как с живым существом, достойным человеческой любви. Поэзия для Крымского — это способ ощутить целостность мира.

Не жалею, что покину этот мир,
Потому что не оставлю я людей.
Растворюсь во всей природе:
В милой солнечной погоде,
В водах серебристых и в лесах,
И в цветах... (38).

Е.С.Зарудная-Кавос. Портрет В.И.Вернадского

ГЛАВА III
ПИСЬМА

1. Щербатской

1.
Ф.И.Щербатской — В.И.Вернадскому

Pau, hôtel Benu-Séjour,
22 апреля 1890 г.

Милостивый Государь Messieur Вернадский!
(извините, не знаю Вашего имени и отчества)

Пишу к Вам из По, куда я приехал навестить проф<ессора> Минаева (1) — безнадежно больного; Ольденбург дал мне Ваш адрес, я хотел быть у Вас проездом через Париж; но так как я спешил в По и пробыл в Париже всего 2,5 часа, то и не успел исполнить своего намерения. Теперь Минаев чувствует себя немного лучше, хочется непременно уехать из По, посоветоваться в Париже с доктором Potin и затем провести лето или в Швейцарии, или вернуться в Россию, с тем чтобы осенью ехать в Крым. Не знаю, насколько удастся исполнить этот план, когда и при каких обстоятельствах придется быть в Париже; быть может Ольденбург приедет сюда сменить меня у Ивана Павловича, тогда я вернусь в Россию один, но все-таки думаю остановиться на несколько дней в Париже. Вы бы премного меня обязали, если бы нашли возможным указать мне , где мне можно найти помещение по возможности дешевое, в удобствах я не нуждаюсь.

В Париже между прочим мне бы очень хотелось побывать на лекциях в Сорбонне, в палате депутатов и в сенате; при свидании Вы, может быть, укажете мне, как это сделать, Вы меня этим очень обяжете

Вашего покорного слугу

Ф.Щербатского

ААН. Ф, 518, оп. 3, д. 1896, л. 1. Автограф.

2.
Ф.И.Щербатской — В.И.Вернадскому

Pou, hôtel Bean-Séjour,
28/16 апреля 1890 г.

Многоуважаемый Владимир Иванович,

Позвольте искренне поблагодарить Вас за любезное приглашение; к сожалению не знаю даже приблизительно ни когда, ни при каких условиях придется мне быть в Париже. На мой взгляд Минаеву теперь лучше, он говорит и занимается легким чтением совершенно свободно; но доктор говорит, что он на него не надеется, что ему может сделаться опять хуже.

Если недели через две ему будет лучше, и погода будет теплее, то мы наверное вместе приедем в Париж; во всяком случае он очень просит Вас, если это Вас не затруднит, справиться о докторе Potin — здесь нам на него указывали как на известного специалиста по грудным болезням — его точный адрес (кажется, rue du fouboury St.Germain), когда принимает, будет ли в Париже в мае. Ольденбург имеет намерение ехать за границу и заехать к Ивану Павловичу в По, так как после 1-го здешнего июня в По жить нельзя, слишком жарко, то по всей вероятности он хочет приехать раньше; но мы ничего определенного о его намерениях не знаем, так как он с замечательным постоянством не отвечает

ни слова ни на мои, ни на Ивана Павловича письма. Не писал ли чего-нибудь Вам.

Преданный Вам

Ф.Щербатской

ААН. Ф. 518, оп. 3, д. 1896, л. 2 - 2 об. Автограф.

3.
В.И.Вернадский — Ф.И.Щербатскому

Париж, 8 августа 1922 г.

Дорогой Федор Ипполитович,

Мне очень трудно ответить на Ваши вопросы, но мне кажется, что С<ергей> Ф<едорович> <Ольденбург> пишет Вам то, что он считает правильным. Я бы всегда считался с его мнением. Я уехал уже скоро два месяца и многое меняется — а отсюда следить за русской жизнью невозможно. Он Вас ждал — но это было тогда и с большевиками логика отсутствует. Будет или не будет его отъезд в зависимости от Вашего приезда — никто не может знать. Ведь самое ужасное — отсутствие возможности логических расчетов. Все меняется в зависимости от личности и настроений. Я имею неприятные известия из Петрограда, что он чувствует себя не важно и очень озабочен. На мои письма ответа не получил.

Розенберга(2) читаю — очень интересно. Любопытны точки соприкосновения с самыми новейшими и новыми построениями (напр <имер>, квантами и представлениями о жизни). Как только ее кончу, немедленно перешлю Вам — держите сколько хотите. Можно ли в Англии получать новые книги со скидкой? И нельзя ли иногда пользоваться Вами, т<ак> к<ак> здешние книжные магазины играют на курсе? Впрочем я могу покупать очень мало.

Всего лучшего.

Ваш В.Вернадский

ААН. Ф. 725, оп. 3, д. 35, л. 1. Автограф, открытка.

4.
В.И.Вернадский — Ф.И.Щербатскому

Париж, 3 сентября 1922 г.

Дорогой Федор Ипполитович,

Книгу Вам все не посылал, хотел кончить. Но не буду дальше задерживать и посылаю не кончив. Вам она нужнее. А я сейчас завален работой и, если буду кончать, слишком задержу. Очень интересная. Меня интересует с двух сторон — и по сути вопросов и их отношению к будущему синтезу человечества, и в связи с тем взаимным проникновением и соответственно созданием нового, которое начинается в творческой мысли Азии и Европы -Америки. Что оно даст в XX столетии?

Из России немного известий, но все они так осторожны, что ничего нельзя понять. Знаю точно, что С<ергею> Ф<едоровичу> <Ольденбургу> очень трудно. О Бартольде(3) никаких известий. На днях выезжает или выехал Левинсон-Лессинг(4): от него узнаю. Его ждут на днях в Берлине, а затем он приедет сюда. Не можете ли мне прислать адрес Engl. Ceramic Society. Чуть ли не в Newcastle — не в Лондоне. Председатель Mellor. О получении книг уведомьте.

Ваш В.Вернадский

ААН. Ф. 725, оп. 3, д. 35, л. 2. Автограф, открытка.

5.
Ф.И.Щербатской — В.И.Вернадскому

Луга, Святелки. 15 сентября 1927 г.

Многоуважаемый и дорогой Владимир Иванович,

Позвольте от всей души поблагодарить Вас за столь мужественное и красноречивое заступничество за русское просвещение. Т<ак> к<ак> подобная практика у нас не ве-

дется, то не думаете ли Вы, что надо что-то предпринять, чтобы о мотивах голосования сохранились следы?

Не слыхали Вы там о Павле Флоренском? Он, говорят, замечательный философ и в то же время и техник, гидротехник; я, к сожалению, его совсем не читал, но собираюсь прочесть. Несмотря на происхождение и направление, он сумел себя поставить так, что правители относятся к нему с уважением.

Преданный Вам,

Ф.Щербатской

ААН. Ф. 518, оп. 3, д. 1896, лл. 5-6. Автограф.

6.
Ф.И.Щербатской — В.И.Вернадскому

<Ленинград>, 19 мая 1928 г.

Многоуважаемый Владимир Иванович,

Ужасно жалею, что отъезд мой за границу сегодня утром лишит меня возможности принять участие в совещании по выбору на кафедру философии. Считаю наиболее подходящим кандидатом Э.Л.Радлова (5) и П.Флоренского. Что же касается Ивановского и Деборина (6), то считаю их мыслителями весьма слабыми.

Ваш Ф.Щербатской

ААН. Ф. 518, оп. 3, д. 1896, л. 7. Автограф.

7.
Ф.И.Щербатской — В.И.Вернадскому

<Тверь>, 30 июля 1931 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Письмо Ваше получил, живя здесь на даче около Твери, в деревне. Боюсь, что ничего такого, что было бы Вам инте-

ресно, о времени сообщить не могу. Био-гео-химия, как все науки математические и физические, стоят на точке зрения т<ак> наз<ываемого> "наивного" реализма (?), т< о> е<сть> они полагают, что время существует действительно, а действительно значит отдельно, вещи, следовательно, состоят из субстанции, ее качеств, ее времени и места? Таких индийских систем, для которых время есть отдельная субстанция, как Вы выражаетесь, "время как время" имеется несколько. Оно себя проявляет в последовательности вещей и, следовательно, в смене поколений. Таковы школы Вайшешика, Ньяя и Миманса. Есть один автор (Prašastapāda), который выводит пространство из времени, то есть близость и дальность толкует как меньше и больше время восприятия. Это уже переход к субъективному. Есть указания на существование особой системы, которая так и называлась "Теория времени"(Kālavāda), время тут представляется все уничтожающей силой, оно является синонимом смерти, а также именем бога Шивы. Но это система мистически-религиозная и известная только по слухам.

Переход к критицизму дает секта Саккая, которая утверждает, что время не при вещах, но в вещах. Критические же взгляды высказываются Буддистами, для которых времени вовсе нет, т<о> е<сть> нет как отдельной субстанции. Относительность времени утверждается Нагарджуной, но для него все относительно, и относительность значит нереальность, пустота. Ведь и Эйнштейн реалист. Для него время и относительно и реально, относительность не мешает реальности. Такие взгляды есть и у индусов. Говоря о числе, т<о> е<сть> о величине, Гиридхара говорит, что оно относительно и реально. Критическая школа буддистов-логиков исходит из понятия момента, как динамического временно-пространственного пункта; все существующее, все картины мира построены человеческим умом или воображением из пунктов. Материи нет вовсе, есть только Kraft-punkt. Это динамическая теория материи, вроде Лейбницевской. Временем мы называем следование пунктов один за другим. Если они возникают последовательно и по смежности, то это движение; а если последовательно и на одном месте, то это

кажущаяся статика, в действительности же движение никогда не прекращается, так что кроме движения, т<о> е<сть> времени, ничего другого нет. По Бергсону в "temps réel" состоит из неделимых отрезков времени, например, время полета стрелы неделимо и продолжается до ее остановки. По Буддистам время бесконечно делимо и никогда не останавливается. Упавшая стрела представляет собой такое же движение, как и летящая, т<ак> к<ак> все и везде летит, в temps réel, следовательно, вовсе не существует.

Изложение этой теории о моментальности бытия Вы найдете в моем русском сочинении "Теория знания и логика Буддистов" (7). Я вновь ее изложил в значительно расширенном виде в моем печатающемся английском труде о логике буддистов, эта часть уже напечатана, т<о> е<сть> имеется в листах. Если приравнять буддийский Kraft-punkt к Кантовской "вещи в себе", то получается довольно схожая картина. То, что Вам нужно, т<о> е<сть> "биохимическая энергия", вероятно, соответствовала бы индийскому понятию о карме; это всеобщая пружина бытия, *πρῶτο ν κί νον ν** Бергсоновской élon vital. Сравнение можно тогда только провести полнее, если у Вас есть теория не только о начале этой силы (Вы говорите за 2 миллиарда лет), но и о ее конце. Если био-гео-химический процесс свести, как и вечное движение, к процессу уравнения энергий и предвидеть момент, когда все энергии успокоятся и тот процесс остановится, то получится нирвана, полная остановка всех энергий. Так и определяют буддисты свою Нирвану как остановку кармы и всех энергий; это не что иное, как энтропия, der Wärmetodt. Сочинений, где Вы могли бы найти что-либо об индийских теориях о времени, нет, кое-что высказывается при изложении отдельных систем, но это весьма отрывочно и совсем неясно. Положение тут плохо, даже в Германии, что кто пишет о Востоке и знает языки, ничего не смыслит в философии, а кто смыслит в философии, ничего не знает из языков и не интересуется Востоком. Недели через две я вернусь в Ленинград, т<ак> к<ак> типография будет работать, нельзя ли и мне <заехать> в Петергоф.

Поклон Наталье Егоровне.

Ваш Ф.Щербатской

ААН. Ф. 518, оп. 3, д. 1896, лл. 8 - 9. Автограф.

* Первичное движение (греч.).

8.
В.И.Вернадский — Ф.И.Щербатскому

Москва, Дурновский пер., 1-б, кв. 2.
18 января 1936 г.

Дорогой Федор Ипполитович,

Давно хотел Вам писать — перед отъездом из Петербурга заходил и звонил к Вам — Вы были в отъезде и не удалось Вас повидать. А затем вернувшись сюда 20. XI — был охвачен работой, связанной с моей Биохимической лабораторией, 20 .XII заболел (ангина и т.д.) и в сущности вот только несколько дней как себя хорошо чувствую и думаю, что я вышел из сферы болезней.

Мне очень было жаль, что я не смог видеться с Вами перед отъездом. Редкие наши свидания были для меня очень дороги — я мог встречаться в Вашем лице с человеком, который философски мыслит, и хотя я считаю себя философским скептиком и самым решительным образом — со все растущим убеждением и со все более углубленным сознанием в наш исторический момент примат науки над теперешней и старой философией становится для меня несомненным — все же это преходящее явление. Через поколение, а может быть раньше, наступит очередь философии и проблемы глубочайшего значения, чуждые сейчас философии — ею будут охвачены.

В нашей стране, где философская мысль сдавлена и выражение философских убеждений и представлений мертвы: высказывают не то, что думают, а то что должно быть

сказано, чувствуется огромная потребность общения с людьми философской мысли и философской культуры. Мне Вы давали очень много. До Вас Радлов. В Праге Лосский(8), к сожалению все больше и больше удаляющийся в теологию христианскую. Не знаю, есть ли кто в Москве: как будто в кругу лиц, среди которых я общался — никто.

Я бы очень хотел, чтобы Вы в приезде в Москву не забывали нас. Надеюсь, Вы приедете в Февральскую сессию.

В Париже я говорил только в телефон с Сильви Леви, а когда в назначенный им час пришел к нему завтракать — не застал его в живых. Настоящее Memento mori..,* Жизнь вообще сурово напомнила нам бренность живого — за три месяца отсутствия мы потеряли здесь и в Украине 7 близких и дорогих людей.

Работа моя идет сейчас хорошо. Пока в мысли не чувствую старости и мысль не останавливается, идет дальше и глубже.

Всего лучшего.

Ваш В.Вернадский

ААН. Ф. 725, оп. 3, д. 35, лл. 3 - 3 об. Автограф.

* Помни о смерти (лат.).

9.

Ф.И.Щербатской — В.И.Вернадскому

Ленинград, В<асильевский> О<стров>,
7 л<иния>, 2. 31 января 1936 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Большое спасибо за память и письмо. Вы как-то <молниеносно> исчезли во время моего отсутствия в курорте. Приезжаю, и Вас уже нет. Я люблю с Вами побеседовать на разные научные и философские темы. Философия тем жизненна, что тот, кто стремится от нее отделаться, не имеет другого средства, как ту же философию, что было всегда, и во всех странах и во все древние и новые эпохи.

Учреждения, оставшиеся в Ленинграде все более и более становятся осиротелыми, хотя непременно хотел уже три раза приехать, так и не приехал до сих пор. Появился только на один день, осмотрел некоторые учреждения, сделал визиты двум вдовам, Ел.Гр.<Ольденбург>(9) и А.А.Марр, обнаружил полное незнание всех дел и какую-то робость, боязнь прикоснуться к чему-либо, обещал скоро приехать на несколько дней, но так и не приехал. Между тем решение всех дел приостановилось, в Вост<очном> Инст<итуте> также никого нет, власть перешла в руки аспирантов, гидра интриги поднимает голову и грозит уничтожить все дельное в угоду личных поползновений темных личностей, все творится где-то за кулисами. Воробьева (10) высылают в Монголию и мы по-видимому будем отданы во власть Орбели (11), этого когда-то подававшего надежды ученого, но ничего не давшего и теперь ни на что кроме самой бессовестной интриги не способного. Все надежды, связанные с назначением нового Непременного Секретаря, по-видимому рушатся, приходится сожалеть даже о Волгине(12).

Кажется, 4-го <февраля> будет сессия, постараюсь приехать и м<ожет> б<ыть> увидимся.

Вы м<ожет> б<ыть> научите меня, как изложить насчет заграничной поездки, чтобы хотя бы в мае выехать.

Подвинулось ли дело с выпиской заграничной литературы? По слухам дела должны были бы решиться так, что 1) Академия могла бы непосредственно выписывать и платить за границей, 2) каждый академик имел бы право выписать и платить за границей на известную месячную сумму валюты — это тоже первоначальное и основное условие работы, особенно для ориенталиста, что я вообще думаю, это питает личность. Валюта препятствует его осуществлению. Но воз и ныне там. Это ведь касается всех одинаково, м<ожет> б<ыть> ориенталистов больше других даже, хотя бы и по политическим соображениям.

Привет Наталии Егоровне.

Итак, до скорого свидания.

Ваш Ф.Щербатской

ААН. Ф. 518, оп. 3, д. 1896, лл. 12-13 об. Автограф.

10.
Ф.И.Щербатской — В.И.Вернадскому

Ленинград, В<асильевский> О<стров>,
7 л<иния>, 2. 20 декабря 1938 г.

Многоуважаемый Владимир Иванович,

Разрешите обратиться к Вам за советом по следующему вопросу: мною был здесь выпущен английский перевод сочинения индийского автора УП века Стхирамати, им<еющий> заглавие "Madhyāntavibhanga"(13), т.е."Различение между средним путем* и обеими крайностями** (т.е. крайним реализмом и крайним идеализмом)". Это сочинение возбудило некий интерес за границей, м<ежду> пр<очим>, в Англии и Индии, куда мне пришлось отправлять те экземпляры, какими я располагаю. Теперь я узнаю, что сочинение мое запрещено и я не могу более ни получить, ни отослать никому ни одного экземпляра! Между тем требования из-за границы, из Англии и Индии, продолжаются и как-то нужно на них отвечать. Меня это отчасти заинтересовало; что это означает и какой послать ответ? Можно сказать, что сочинение запрещено, но нужно также сказать за что, что ему инкриминируется, и как это сказать, т. к. сам я абсолютно ничего не знаю, никто мне ничего не сообщал. Я только могу догадаться, что по-видимому это распоряжение б<ывшего> секретаря Горбунова(14), который как-то вообразил в сочинении зерно идеализма, между тем как из самого заглавия видно,что в сочинении проводится как раз не идеализм, а диалектика, т.е. Средний Путь между утверждением и отрицанием. Но конечно этого разобрать ни Горбунов, ни компания его никак не могли и поэтому он от страха, ничего не поняв, просто запретил.

Но теперь мы попали в такое положение: нам приходится утверждать, что в то время, когда одно сочинение (т.е. "история партии") рекомендует диалектику, президент Академии и секретарь преследуют ее же. Комаров по-видимому ничего разобрать не в состоянии. Когда сегодня приезжал

один индийский ученый, то он (Комаров) (15) сначала разрешил ему пробыть у нас 4 месяца, а затем по совету уч<еного> секретаря Муратова (16) велел как можно скорее выслать. После всего этого этот самый Муратов был сам, а вместе с тем и его коллекция друзей, арестованы и куда-то далеко будто бы высланы, или высылаются.

Вот такие дела! Довольно ясные и определенные, но что делать нашему брату, что-нибудь за границу ответить-то надо!

Буду очень рад, многоуважаемый Владимир Иванович, услыхать Ваш совет. Вы ведь все время держитесь убеждения, что правда должна всплыть!

Преданный Вам,

Ф.Щербатской

ААН. Ф. 518, оп. 3, д. 1896, лл. 17 - 18 об. Автограф.

* madhya (прим.- автора).
** antau - обе крайности (санскр.).

11.
В.И.Вернадский — Ф.И.Щербатскому

Москва, 4 января 1939 г.

Дорогой Федор Ипполитович,

Получил Ваше письмо от 29 декабря. Напрасно Вы писали Карахану (17). Он, конечно, никакого отношения к неполучению Вами журналов не имеет. Как я Вам уже писал, Вам нужно обратиться в Главлит и в Иностранную Почту. Сейчас положение улучшилось по сравнению с тем временем, когда я обращался в Ленинграде, т.к. Президент говорил мне на днях, что он обращался в Главлит и что все академики должны получать за своею ответственностью книги и журналы без вырезок и замарываний. Очевидно, можно сослаться на это распоряжение начальника Главлита. Опаздывание журналов зависит от Главлита и почты. Вы можете обратиться в оба учреждения и по почте и по телефону.

Я думаю, что оплата полученных Вами иностранных книг должна идти едва ли через Карахана. Я бы на Вашем месте обратился непосредственно к Президенту. Было общее заявление Главлита за границей, что он не берет на себя ответственности за прямые посылки книг фирмами частным лицам и учреждениям в Союзе помимо него. Я думаю, что Вам надо просить валюты для Вашей научной работы. Журналы на 1939 год запаздывают как всегда, но будто бы будут во второй половине января. Я только что получил "Нувель Литерер" от 31 декабря.

Ваш В.Вернадский

ААН. Ф. 725, оп. 3, д. 35, л. 4. Авторизованная машинопись.

12.
В.И.Вернадский — Ф.И.Щербатскому

<Москва>, 20 марта 1939 г.

Дорогой Федор Ипполитович,

На Вашем месте я бы написал прямо Народному Комиссару Связи (Москва, ул. Горького, 17) с указанием того, что Вам не доставляют такой-то журнал с указанием, что он задерживается Главлитом, чего однако быть не может. Мне пришлось раз к этому прибегнуть и это помогло.

Мы, конечно, будем очень рады, если Вы зайдете к нам, когда будете в Москве. С удовольствием Вам дам то, что Вы хотите.

Ваш В.Вернадский

ААН. Ф. 725, оп. 3, д. 35, л. 5. Авторизованная машинопись.

13.
Ф.И.Щербатской — В.И.Вернадскому

Ленинград, В<асильевский> О<стров>,
7 л<иния>, 2. 11 июня 1939 г.

Многоуважаемый Владимир Иванович,

По возвращении в Ленинград, я сразу обратился в библиотеку и сразу же выяснил, что достать "Times", который тут получают, не так-то легко. В чем дело я до сих пор не <разобрал>, но сегодня увижу директора и м<ожет> б<ыть> узнаю. Пока я получил отказ. По-видимому никто не имеет права его прочесть!

Ел<ена> Григ<орьевна> <Ольденбург> просит кланяться Вам и Вашей супруге, она очень занята, т.к. все еще не может найти прислуги и должна все делать сама. Раз в неделю мы сходимся и разбираем рукописи С<ергея> Ф<едорови>ча <Ольденбурга>; дело идет хорошо и вероятно скоро завершим эту работу. Но как потом заставить напечатать — неизвестно, т.к. печатание будет очень дорогое.

Теперь выяснилось, почему дир<ектор> Яковкин (18) всем отказывал выдать для меня "Times". Он сегодня сам ко мне пришел и принес 3 номера "Times", а 15-го придет взять их обратно. Это оч<ень> трогательно, но он по-видимому никому этого поручить не может, а должен принести и взять сам. В принесенных им трех номерах при всем желании ничего нельзя открыть подозрительного, но что Вы поделаете, он дрожит и ничем его не успокоить.

Ваш Ф.Щербатской

P.S. Что же касается до Карахана, то мне с ним ничего не поделать. Я получил две книги, довольно пустячные, но я получил их прямо. Я очень желал бы за них заплатить. Я прошу его как-нибудь выйти из этого неприятного положения; он же бесконечно хитрит и извивается и платить не

хочет; мне он пишет, что денег нет и уплата зависит от высших властей, не знаю как выйти из положения!

ААН. Ф. 518, оп. 3, д. 1896, л. 29 - 30. Автограф.

14.
Ф.И.Щербатской — В.И.Вернадскому

Ленинград, В<асильевский> О<стров>,
7-ая линия, д. 2. 16 сентября 1939 г.

Многоуважаемый Владимир Иванович,

Получаете ли Вы по-прежнему аккуратно Manchester Guardian? Я получил 7-го сентября тот номер, который вышел 25-го августа. До этого получал регулярно, но затем остановка. Поэтому меня интересует все ли в таком же положении или только я?

Буду очень Вам признателен, если сообщите мне. Как Вы поживаете? Как Ваше здоровье? Вероятно скоро будет сессия?

Преданный Вам

Ф.Щербатской

ААН. Ф. 518, оп. 3, д. 1896, л. 31. Автограф.

15.
Ф.И.Щербатской — В.И.Вернадскому

<Ленинград>, 24 января <19>40 г.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

Я в течение прошлого года добился аккуратного получения Manchester Guardian, Weeks и несколько раз возобновлял заказ на новый год. Долго не получал ответ, а на днях

получил ответ из книжного отдела, где сказали, что вследствие ограниченности импортного контингента комиссия не утвердила мой заказ.

Что это значит? Неужели не могу я выписать журнала, стоящего 2 пенса? Как они поступают с Вами и другими? Буду очень признателен, если сообщите, в каком Вы положении и что следует предпринять?

Преданный Вам

Ф.Щербатской

ААН. Ф. 518, оп.3, д. 1896, л. 32 - 32 об. Автограф.

16.
Ф.И.Щербатской — В.И.Вернадскому

Ленинград, В<асильевский> О<стров>,
7-я линия, 2. 15 февраля 1940 г.

Многоуважаемый и дорогой Владимир Иванович,

После того, как я бесконечными хлопотами в конце концов добился регулярного получения Manchester Guardian, и после того, как я неоднократно просил возобновить подписку на последующий год, я долгое время не получал никакого ответа, а затем уже в феврале получил ответ от Карахана в том смысле, что комиссия (какая-то) рассматривала мою просьбу и постановила отказать и я теперь не получаю абсолютно ничего.

Что это такое? Карахан совсем необразованный человек, его вероятно совсем нельзя подпускать к выписке литературы. Между тем он единолично по-своему распоряжается всей выпиской и без него ничего нельзя получить и выписать.

Нужно ли преклоняться перед этой высшей волей и правда ли, что этот невежественный кавказец распоряжается по-своему, ссылаясь на какой-то комитет, заведующий выпиской. В конце прошлого года оказались свободные средства, Вы москвичи, об этом узнали и могли использовать, а мы

ничего. Эрмитаж тоже получает какие-то средства и выписывает, а мы здесь в Ленинграде абсолютно ничего не получаем.

Посоветуйте, дорогой Владимир Иванович, что нам делать, к кому обратиться? Карахан мне очень подозрителен!

Преданный Вам,

Ф.Щербатской

ААН. Ф. 518, оп. 3, д. 1896, л. 33 - 33 об. Автограф.

17.
В.И.Вернадский — Ф.И.Щербатскому

Узкое, 19 февр<аля> 1940 г.

Дорогой Федор Ипполитович,

Ваше письмо мне переслали сюда. Завтра возвращаемся в Москву. Пробыли 10 дней.

Вы напрасно нападаете на К<арахана>. Он никакого решающего голоса не имеет. Список утверждается Президентом, который является председателем Комиссии. Сейчас заместителем Ш <мидта>(19) — Деборин. Мне тоже сперва не разрешили Manchester Guardian и Literary Times. Но после моего обращения к Деборину, сперва — а потом к Шмидту — это решение отменили и оба журнала выписали. Но Nature до сих пор не получил ни одного номера. Manchester Guardian и Literary Times только за январь и не все. С иностранной лит<ературой > очень плохо — но надо добиваться. Я вижу, что для многих это роскошь (и для Ш<мидта>), а для меня необходимость. Добивайтесь.

Ваш В.Вернадский

ААН. Ф. 725, оп. 3, д. 35, л. 6. Автограф.

18.

В.И.Вернадский — Ф.И.Щербатскому

Узкое, 1 авг<уста> 1940 г.

Дорогой Федор Ипполитович,

Очень рад был получить Ваше письмо. Я слышал, что Вы были больны и что поправились, чему я был очень рад. Manchester Guardian - и все английские журналы я не получаю с конца мая, начала июня. Последний N "Nature" получил 1-го июня. Плохо доходят и американские издания. Вчера получил из Вашингтона книгу, посланную 25 мая - пришла 29 июля. От детей последние письма от конца мая. Полное расстройство <...>.*

Немецкие научные журналы доходят — но я не знаю ни одного немецкого журнала, отвечающего Manchester Guardian — еще держатся острова свободы в английской прессе. Французская давно ее потеряла.

Всего лучшего.

Ваш В.Вернадский

Manchester Guardian и Literary Times с июня не получаю.

ААН. Ф. 725, оп. 3, д. 35, л. 7. Автограф.

* Написано неразборчиво

2. Ольденбург

19.

С.Ф.Ольденбург — В.И.Вернадскому

<Петербург>, 4 - 5 ноября 1892 г.

Милые, дорогие мои*,

Глубоко и сильно Вы тронули меня. Мысль Владимира так хороша и так ярко связывается с памятью о ней, что я

лучшей формы не могу найти — я думаю, что мы народ и деревню должны ведь понять широко? И мужика, и учительницу, и учителя, и фельдшера, и всех, кто в глуши далеко от всего того великого и прекрасного, чем живет человечество. Мне кажется, что хотя сначала будет, может быть, и мало средств, но дело можно скоро поставить широко и плодотворно.

Страшно занят, на днях напишу как следует. Весною, в начале мая, еду в Кашгарию на 5 месяцев, скоро сообщу подробности.

Горячо целую.

Ваш Сергей

ААН. Ф. 518, оп. 3, д. 1194, л. 8 - 8 об. Автограф.

* Письмо обращено к В.И. и Н.Е.Вернадским.

20.
С.Ф.Ольденбург — В.И.Вернадскому

<Петербург>, 12 апреля 1906 г.

Дорогой Владимир,

Непременно, непременно приезжай в понедельник, а то вопрос* о <выборах> может принять нежелательный оборот — предложат дряхлого старичка. Можешь ли тогда остаться до вторника? Я бы созвал Ломоносовскую Комиссию. Послал тебе телеграмму, ответь телеграммой. Заседание в понедельник отменить нельзя. Сережа(20) и я шлем всем привет.

Твой старый друг

Сергей

ААН. Ф. 518, оп. 3, д. 1196, л. 8. Автограф.

* По-видимому, вопрос о выборах в Академию. См.: письмо от 6.IV.1906; д. 1196, л. 9.

21.
С.Ф.Ольденбург — В.И.Вернадскому

<Петербург>, 8 декабря 1906 г.,
вечером.

Дорогой Владимир,

У нас очень удобно остановиться; ты значит прямо приезжай, будем тебя ждать.

Здесь репрессии против к<онституционно>-д<емократической> <партии> в полном разгаре, уже были обыски, не допускают собрания даже комитетов и т.д. — хотят загнать нас в подполье, т.к. они по переданному мне выражению Сережей (20) "овладели движением". Глупо это и, если бы не тяжкий вред, который такая политика принесет России, то было бы и смешно. Авось хоть октябристы поймут за кого они распинаются, отстаивая Столыпина. Жаль мне очень, что Сережа не хочет прозреть.

Спасибо большое Наташе за письмо; мне все нездоровится, одно время очень болело сердце, заработался — теперь для меня жуткое время — отчет сверх всей текущей работы. Ты так и не прислал ничего о себе, я уже сам написал строк 10 - 15, ты взглянешь в корректуре(21).

Маша шлет всем Вам сердечный привет.

Крепко обнимаю.

Сергей

ААН. Ф. 518, оп. 3, д. 1196, л. 10"а" - 10"а" об. Автограф.

22.
В.И.Вернадский — С.Ф.Ольденбургу

Москва, 28 сентября 1910 г.

Дорогой Сергей,

Нельзя ли получить данные о деятельности Ломоносовской Комиссии. Я выбран председателем Ломон<осовской>

Ком< иссии> Моск<овского> Университета и мне приходится теперь этим заняться. Мы предлагаем издать материал по истории М<осковского> Унив<ерситета> XVIII в., хотелось бы и иконографию. Не знаю, согласится ли Совет. Приглашения принять участие в Елиз<аветинской> выставке Унив<ерситета> не имею?

Я прилагаю здесь заявление в Ломоносовскую Комиссию, если оно нужно Академии.

Мы думаем — если согласится Совет — приурочить чествование к 12 января 1912 года. Но м<ожет> б<ыть> Совет не согласится.

Если заявление приложенное не нужно для получения сведений — не давай ему хода.

Твой Владимир

У нас все благополучно.

ААН. Ф. 208, оп. 3, д. 106, л. 24. Автограф.

23.
В.И.Вернадский — С.Ф.Ольденбургу

Praha, Dejvice. Soborska, 8.
21 августа <1>932 г.

Дорогой Сергей,

Не знаю, где тебя застанет это письмо — но пишу на городскую квартиру.

Ты, конечно, видел (или слышал) "критику" Деборина на мою статью о времени, напечатанную в Известиях. Не знаю, читал ли ты ее. Я прочел ее и считаю совершенно необходимым так или иначе на нее ответить. Во-первых, потому что мне приписывает такие глупые суждения, что только диву даешься, как мог серьезно писать это человек в наше время или вернее, как мог он думать, что ученый XX века может таких мнений придерживаться. Пишут — и верят

— и большим глупостям, но для меня было совершенным сюрпризом, что меня могут считать дураком, да еще это urbi et orbi... * Но затем приписанные мне глупости могут помешать моей научной работе. И я не могу на это не обращать внимание. Достигнуто это было сознательным и систематическим искажением моего текста и приписыванием мне — думаю тоже сознательно, того, что я не говорил и никогда не думал. Поэтому, как мне ни было неприятно отрываться от научной работы, мне пришлось сейчас же по получении книжки Известий написать свой ответ для печати и послать Непр<еменному> Секр<етарю> (в Москву) официальное мотивированное письмо, прося о напечатании в Известиях же моего ответа. Самый текст ответа я послал в Академию на имя Н<епременного> С<екретаря> — д<олжно> б<ыть>, был заместитель. Ни на письмо в Москву, ни на мое заявление в Академию я ответа не получил и не получаю. Нельзя ли справиться и просить мне ответить.

Я понимаю, конечно, затруднение — но раз такая критика была допущена редакцией — очевидно редакция или редактор должен дать возможность ответить — особенно, когда мне приписывается то, чего я не говорил и чего я не думаю.

Собираюсь в начале сентября ехать в Париж. К сожалению, здесь я сделал для своей основной работы меньше, чем ожидал, т.к. в виду новых успехов химии силикатов поставлен сейчас на очередь вопрос о значении всей моей работы в этой области, отчасти совсем здесь неизвестной, т.к. я печатал главным образом (к сожалению) по-русски. И для меня выясняется новое и многое основное подтверждается. Мне пришлось, поэтому, войти и в переписку и в личные разговоры; вопрос о существовании каолинового ядра станет, вероятно, в центр внимания. Главные работы еще не напечатаны. Мне пришлось углубиться в очень трудную и мною запущенную литературу о силикатах и переделать по существу для "Zeitschrift für Krystallographie" мою статью об алюмосиликатах, напечатанную в Известиях. Этим сейчас занят.

Много времени взяли и мои немецкие работы связанные с Ra — две уже напечатаны. И здесь я делал экскурсии, собрал материал для проверки. Много любопытного и, мне

кажется, важного. Но это опять меня отвлекает в сторону. И опять связано с перепиской и разговорами.

Послал в печать и 3-ю немецкую статью об Океанографии.

Мою книгу о воде, несмотря на кризис, удастся (договор еще не заключил) издать по-немецки. О сборнике "Живое вещество" буду вести переговоры в Париже. Обзор биогеохимических наших работ будет помещен в "Naturwissenschaften" в ноябре (по моему желанию), а <вскоре> в "Forschungen" и "Fortschriftte", откуда получил предложение и буду еще писать в ближайшие дни.

Ты видишь, сколько приходится отрываться в сторону — но все же основная работа идет и в Париже я буду работать только над ней. Хочу в связи с этим войти с запиской в Комис<сию> Землед<елия>.

Но печатание у нас идет очень медленно: еще ни одного <листа> к подписи для истории воды нет! Отчего-то и Е.Д. (22) давно не пишет.

Наташа, дочь, внучка здоровы и внучка совершенно захватила дида — (так и называет). Сердечный привет Е<лене> Г<ригорьевне>.

Твой Владимир

В Париж еду в начале сентября.

ААН. Ф. 208, оп. 3, д. 106, л. 39 - 39 об. Автограф.

* Во всеуслышание (лат.).

24.

В.И.Вернадский — С.Ф.Ольденбургу

Прага, 28 октября 1933 г.

Дорогой Сергей — хотя имею о тебе известия — но не прямые. Мне хочется написать тебе, но я не хочу утруждать тебя ответом — напиши, если найдешь время и этот ответ не утомит тебя.

Последнее письмо писал тебе в Кисловодск. Время идет очень быстро. И вот уже более 1/3 отпуска моего прошли. Сделал пока немного; надеюсь на Париж и Лондон, куда еду д<олжно> б<ыть> послезавтра. Английской визы еще нет — обещают выслать в консульство в Париже. Мне же особенно хочется — и нужно сейчас в Англию.

Много думаю и работаю над моей темой — над биогеохимической энергией в земной коре. Но сейчас невольно ухожу в сторону или вглубь, как хочешь понимай — в философские вопросы. Лично я не считаю их более глубокими, чем научную трактовку мира. Не знаю, доживу ли — но книгу о биогеохимической энергии раньше двух лет едва ли кончу. А если доживу, займусь "Философскими мыслями натуралиста" (23) и прежде всего — точным анализом отношений между наукой и философией, будущим человечества, эмпирическим обобщением, эмп<ирической> идеей и эмпирическим фактом и их отличием от философских, еще раз временем... О многом хотелось бы успеть сказать.

Здесь набросал введение в книгу — вчерне и очень неполно — о возникновении и современном состоянии геологических идей. Мне кажется, есть глубокое различие между философ<скими>, религ<иозными> и научными идеями и сейчас как раз в геологии это можно ясно видеть. На геологии начинают сейчас отражаться успехи физических наук и я думаю, мы накануне зарождения новой науки — радиогеологии. Невольно все-таки ухожу в сторону от книги. Опять как в прошлом году. В Петербурге не смог следить за литературой как следует. Оказалось, что в этом году вышли несколько важных работ о месторождении радиевых руд в Бельг<ийском> Конго, которые нашел в Праге и о которых ничего не знал у нас. Мне приходится переделать главу в моей рукописи о геохимии, а главное то, что это месторождение составляет, мне кажется, совсем особый неизвестный тип. Бельгийцы не давали материал для научной обработки другим — а сами выпустили только теперь — и не первый сорт . М<ожет> б<ыть> попытаюсь проехать в Бельгию посмотреть образцы. Издания вышли в одной серии, которой у нас, мне кажется, нет (Бельг<ийского> Колон<иального>

Музея); я получил лично некоторые выпуски (роскошные), где были работы Скула (в Генуе) — но других я не видал. Другая серия — Лувенского университета, о которой ничего не знал! Теперь <...>* — и пополню. А главное то, что здесь можно идти дальше по пути, по которому я было пошел в 1924 году в Париже. Тогда я думал — и думаю, это верно — в этих рудах есть новый элемент — но больше того, совсем особый процесс, связанный с радиоактивно образованным свинцом. Не надо бы было залазить в сторону — но в мыслях человек не волен. Или, вернее, не захочет остановить их, раз уверен, что он идет по новому пути.

Написал в Акад<емию> записку о необходимости поставить опыты в связи с новой водой — с тяжелой водой. Надеюсь, удастся в моей лаборатории. Средства надо небольшие. Здесь привезена из Америки <вода> (с третью тяжелой) — но получена сейчас чистая. Открывается область огромного значения.

Стараюсь всецело следить и за мыслью, и за жизнью. Мне отчасти оттого хочется написать свои философские мысли, что они должны в одной части показаться оптимистическими. Пожалуй, даже реально быть в одной части оптимистическими, но с другой, мне кажется, они связаны с представлением о процессе закономерного изменения Homo sapiens; многое нам должно представляться странным. Сейчас страшно интересен опыт Рузвельта; особенно потому, что опыты наш, Италии, Гитлера связаны с борьбой против свободного творчества и идейным отрицанием свободы мысли и достоинства человеческой личности — а в Америке — пока? — все идет при полной свободе печати и слова и росте личности.

Мой дорогой — не знаю, насколько тебе интересно все то, что я пишу. Но приближаясь к грани жизни, как-то особенно ярко хочется высказаться до конца — до конца, конечно, <возможного предела>, т.к. в человеческой личности и моей тоже его нет — но до конца в том, что начато. В той или иной форме ничего не пропадает в окружающем, т.к. случай есть <фикция> в той области, которая захватывается научным знанием... А оно сейчас чрезвычайно расширяет

область своего ведения, хотя этого, к моему удивлению, не сознают современники.

Всего, всего хорошего.

Твой Владимир

ААН. Ф. 208, оп. 3, д. 106, л. 41 - 41 об. Автограф.

* Написано неразборчиво.

3. Крачковский

25.
В.И.Вернадский — И.Ю.Крачковскому

<Детское Село>, 8 ноября 1930 г.

Глубокоуважаемый Игнатий Юлианович,

Сегодня говорил со мной проф. Г.Д.Белоновский(24), председ<атель> Биологического Общества, который хотел бы организовать при Ком<иссии> по ист<ории> зн<аний> заседание, посвященное деятелям (умершим) бактериологии в России. Он хотел бы прочесть об Исаеве(25), Ф. Я.Чистович — о Н.Чистовиче(26), Б.Л. Исаченко — об Омельянском (27), затем о Заболотном(28) и м<ожет> б<ыть> Габричевском(29) и Мечникове(30). Мне представляется идея очень хорошей, тем более, что судя по разговору можно надеяться собрать архивный материал об этих лицах. Он говорит, что сейчас заслуги русских ученых в этой области не оцениваются достаточным образом. М<ожет> б<ыть> Вы сговоритесь с Бухариным — приедет ли он на сессию и хочет, можно назначить бюро, и начинать ли переговоры об этом. Белоновский — член-корреспондент Ак<адемии> Н<аук> и говорит, что он посещает наши заседания. Он мог бы организовать это заседание с бюро.

Но конечно надо переговорить с Бухариным — м<ожет> б<ыть> это удобный предлог.

Мы здесь с Нат<алией> Ег<оровной> устроились хорошо, много гуляем и отдыхаем: она от хозяйственных забот, я от своей "Истории природных вод в земн<ой> коре". Читаю с большим интересом книгу W.Dampies Whelham. A history of science (1929) — заставляет думать.

Всего лучшего.

Ваш В.Вернадский

Его адрес: Георгий Дмитриевич Белоновский. Греческий, 8, кв. 55. Тел. 171-12.

О Белоновском разные у меня сведения (лично я его почти не знаю) и очень высоко его ставящие и обратно. Об этом я узнал во время выборов его в чл<ен>-корр<еспонденты>: вызвали и порицание А<кадемии> Н<аук> со стороны хороших людей.

ААН. Ф. 1026, оп. 3, д. 221, л. 2. Автограф.

26.
И.Ю.Крачковский — В.И.Вернадскому

Ленинград, 12 ноября 1930 г.

Многоуважаемый Владимир Иванович,

Очень был рад получить Ваше письмо (сегодня — от 8-го числа!) и узнать, что Вы в общем довольны своим пребыванием. У меня же настроение неважное, так как КИЗ в полном застое. Писал я по целому ряду вопросов Бухарину; получил от него ответ, через две недели, что он "затрудняется ответить" и советует поговорить с Волгиным; говорил я с ним, он обещал одно, но сегодня получаю от Управления Делами окончательный отказ утвердить договоры с Буткевичем и Логиновым(31). Вынужден был сегодня написать Непр<еменному> Секр<етарю> заявление об отказе от должности товарища Председателя с просьбой <в> Президиум назначить временного заместителя председателя до выбо-

ров. Очень жалею, что должен был сделать это, не дождавшись возвращения С.Н.Чернова (32); он уехал в Саратов, где умерла его мать, но кроме телеграммы 24 октября не имею никаких известий. Шангин (33) из Библиотеки удален, несмотря на мои разговоры с Марром, Самойловичем (34), Комаровым, письмо Бухарину и мое заявление в Президиум, которое — как вчера узнаю — в Президиуме не докладывалось, хотя мною лично было вручено Самойловичу. Беляев (35) (который составляет список рукописей арабских для КИЗ) отведен месткомом от зачисления в Институте Востоковедения; в связи с этим я заявил С<ергею> Ф<едоровичу> <Ольденбургу> отказ работать там при полном отсутствии арабистов. Как видите, материала для хорошего настроения мало.

Конечно, предложение Белоновского очень интересно. Бухарину пишу сегодня, но что из этого (или из него) выйдет — не известно.

Низкий поклон от нас Н<аталии> Е<горовне>.

Преданный Вам,

И.Крачковский

ААН. Ф. 518, оп. 3, д. 859, лл. 1 - 1 об. Автограф.

27.
В.И.Вернадский — И.Ю.Крачковскому

<Жлобин>, 21 ноября 1930 г.

Глубокоуважаемый Игнатий Юлианович,

Меня очень огорчило Ваше письмо — особенно Ваш уход из замест<ителя> Председ<ателя> КИЗ. Но я вполне Вас понимаю и думаю, что сделал бы то же самое — хотя и считаю, что уход вообще нежелателен. Но часто мне кажется, что важнее сохранить время для своей научной работы, чем тратить на защиту того, что не защитить. А перед Вами такая большая работа. Иногда мне кажется, что идущее разрушение всякого устанавливающегося учреждения, всякой

научной работы есть не следствие невежества, а злостного намерения. Едва ли удастся развить дело нашей Комиссии.

На днях возвращаюсь — 25. XI — и тогда повидаю Вас и обсудим, что можно сделать.

Мой отпуск кончается 15. XII — от Президиума получил отпуск и просьбу принять участие в сессии. Не очень меня это привлекает — но исполню. Не буду только на общих собраниях. Хочу даже сделать доклад довольно общего характера: "Об условиях появления жизни на Земле" (36), о чем в последнее время много думал.

Всего лучшего.

Ваш В.Вернадский

ААН. Ф. 1026, оп. 3, д. 221, л. 4. Автограф.

28.
В.И.Вернадский — И.Ю.Крачковскому

<Москва>, 15 июня 1935 г.

Глубокоуважаемый Игнатий Юлианович,

Совершенно забыл — в спешной обстановке нашего свидания переговорить с Вами о том, нельзя ли что-нибудь сделать для Р. Р.Фасмера (37). Он чрезвычайно, говорят, тяжело переживает свое заключение в Ташкенте. Говорят, там была бы ему работа по специальности — неразобранный нумизматический материал. Жена его говорит, что отзыв об его работе и просьба специалистов могут очень способствовать к его направлению на работу научного характера. Это очень бы облегчило его положение. Прилагаю ее письмо (38). Может быть, можно через кого-нибудь помочь лучшему использованию его знаний.

Еще раз всего лучшего.

Ваш В.Вернадский

ААН. Ф. 1026, оп. 3, д. 221, л. 6. Автограф.

29.
В.И.Вернадский — И.Ю.Крачковскому

Москва, 2 февраля 1936 г.

Дорогой Игнатий Юлианович,

Давно хотел Вам написать несколько слов по приезде, узнать о Вас — всегда для меня было дорого в Ленинграде общение — хотя и не частое, с Вами.

Но через месяц по приезде я заболел и с тех пор не выхожу настоящим образом из повторяющихся заболеваний — ангина, грипп и т.п. А вот уже дней десять грипп с температурой захватил и Нат<алию> Ег<оровну>, которая лежит сейчас. Думала поправляется, но сегодня опять небольшое повышение температуры.

За границей тоже не чувствовал себя вполне хорошо — пришлось лечиться в Карлсбаде.

Я вовсе не собирался писать Вам о своих и жены болезнях — но написал это, чтобы объяснить, почему так поздно пишу Вам.

Пишу Вам, чтобы напомнить, что мы очень рады были бы видеть Вас и В<еру> А<лександровну>(39), когда Вы будете в Москве у себя. Не знаю соберетесь ли на это заседание, связанное с юбилеем Добролюбова. Доклады общего собрания не возбуждают интереса и думаю, что Добролюбов едва ли с радостью услышал <бы> похвалы бывшего начальника цензуры — все-таки, как мы это видим, основы цензуры не меняются при смене режимов.

Мне хочется, чтобы это письмо пошло сегодня и поэтому кончаю.

Всего лучшего.

Ваш В.Вернадский

ААН. Ф. 1026, оп. 3, д. 221, л. 10. Автограф.

30.
И.Ю.Крачковский — В.И.Вернадскому

Ленинград, 7 февраля 1936 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Очень рады были получить Ваше письмо, хотя и грустно, что Вы продолжаете хворать. Зима в этом году какая-то неустойчивая, может быть и это сказывается. Некоторые сведения о Вас имели мы через Елену Григорьевну <Ольденбург>; сами были в Москве на ноябрьской сессии (первый раз!) и уехали в тот же день, когда ожидался Ваш приезд. На Добролюбовскую сессию я не поехал: только 1-го я вернулся из Петергофа, где пробыл две недели; накопилось много дел. По маленькому опыту я убедился, что поездки на сессию достаточно непроизводительная трата времени, если нет в Москве своих научных дел. По слухам в марте предстоит общая сессия нашего отделения; может быть, тогда приеду и, конечно, при первом случае навестим Вас.

Работа, по обычаю, движется медленнее, чем хотелось бы; часто отрывают всякие случайные дела. Подготовляю к печати том с неопубликованными лекциями С<ергея> Ф<едоровича> <Ольденбурга> по Индии; затрудняет, главным образом, дешифровка мест, пострадавших от наводнения.

Поклон от нас обоих с пожеланием окончательного выздоровления.

Ваш И.Крачковский

ААН. Ф. 518, оп. 3, д. 859, лл. 3 - 3 об. Автограф.

31.
И.Ю.Крачковский — В.И.Вернадскому

Ленинград, 20 февраля 1936 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Одновременно с этим посылаю заказным в Президиум подписанную некоторыми коллегами просьбу об увеличении

пенсии вдове Б.А.Тураева (она до сих пор получает 50 руб.). Не знаю, выйдет ли что-нибудь из этого, но хотел Вас предупредить на случай, если Вы пожелаете присоединиться к заявлению.

Надеемся, что Вы и Н<аталия> Е<горовна> поправились и шлем низкий поклон.

Ваш И.Крачковский

ААН. Ф. 518, оп. 3, д. 859, л. 2. Автограф.

32.
В.И.Вернадский — И.Ю.Крачковскому

Москва, 23 октября 1938 г.

Дорогой Игнатий Юлианович,

В одной из Ваших работ Вы указываете, что в Академии имеется арабская рукопись полного текста минералогии псевдо-Аристотеля. Имеет ли она научный интерес и к какому веку примерно она относится? Она не указана в списке апокрифических работ Аристотеля у Сартона. Вы упоминаете, что неполный экземпляр находится в Париже.

Очень сожалеем, что не видаемся с Вами, когда Вы бываете в Москве. Мы оба с женой скрипим, но сохраняем работоспособность и жаловаться следовательно не можем.

Сердечный привет Вам обоим от нас обоих.

Ваш В.Вернадский

ААН. Ф. 1026, оп. 3, д. 221, л. 12. Машинопись.

33.
В.И.Вернадский — И.Ю.Крачковскому

Боровое, 16 мая 1942 г.

Дорогой Игнатий Юлианович,

Очень Вас прошу, если возможно, спасти научный архив И.М. Гревса. В этом архиве, помимо его рукописей,

находятся некоторые рукописи, ему не принадлежащие — мои и другие. Недавно умерла мать воспитанницы Гревсов — 14-летняя девочка осталась совершенно одна. Сегодня получили от нее письмо. Они жили вместе с Гревсами. Иван Мих<айлович> имел в своем распоряжении материал для биографии некоторых наших общих друзей. Чтобы не затруднять Вас, я пишу Л.Б.Модзалевскому (40) (помимо прочего моему родственнику) и Князеву (41). Прошу Модзалевского зайти к Вам. Временно желательно сохранить архив, во многом драгоценный, в архиве Академии — потом разберем (42). Пишу и Князеву, но не знаю, жив ли он. Ответа на одно мое письмо я не получил. Правда, писал не так давно. У Ивана Мих<айловича> были и его собственные сочинения, готовые к печати — о Таците и др.

Девочку зовут Аллой Левдиковой. Ее адрес на всякий случай — В<асильевский> О<стров>, 21 линия, д. 16 (во дворе), кв. 58. Она должно быть совсем растерянная и в страшном горе, потеряв всех близких ей людей — Гревсов и мать. Мать была учительницей. Если это возможно, мы очень просим Веру Александровну (43) выписать ее к себе и переговорить, чем мы можем быть полезны. Сейчас посылаем ей немного денег.

Мы, конечно, здесь в привилегированном положении. Я неустанно работаю и несмотря на свои года (самый старый по выборам академик), работаю и надеюсь успеть дать итоги книги, которую я с конца 1940 г. пишу.

Ваш В.Вернадский

Мне кажется, нам уже теперь надо думать о научной работе в интернациональном масштабе. Надо к этому важному и неизбежному готовиться.

В.В.

ААН. Ф. 1026, оп. 3, д. 221, л. 13. Машинопись.

34.
И.Ю.Крачковский — В.И.Вернадскому

Москва, 25 марта 1943 г.

Дорогой Владимир Иванович,

Очень был тронут Вашей подписью под адресом, который так неожиданно для меня появился из Борового, но прозвучал в современных обстоятельствах особенно трогательно. Вы знаете, как я ценю Ваше отношение ко мне и к моим работам; в этой подписи я почувствовал как бы ответ так близко связанного с Вами С.Ф.Ольденбурга.

За промежуток в эти полтора года несколько раз Вам писали, но, очевидно, все это тонуло в большом количестве недошедших писем, как я убедился по другим случаям.

С большой скорбью переживаем тяжелую утрату, которая постигла Вас в последнее время. Пусть хоть некоторым утешением послужит то общее признание великого труда Вашей жизни, которое (наконец-то) распространилось во всех кругах нашей страны.

Низкий поклон от нас обоих с пожеланием сил и бодрости.

Искренне уважающий Вас,

И.Крачковский

ААН. Ф. 518, оп. 3, д. 859, лл. 6 - 6 об. Автограф.

35.
В.И.Вернадский — И.Ю.Крачковскому

Боровое, 2 июля 1943 г.

Дорогой Игнатий Юлианович,

Благодарю Вас и Вашу жену за теплое выражение Вашего участия в постигшем меня несчастье.

В мои и Нат<алии> Ег<оровны> года приходится только этому покоряться.

Собираюсь в июле или в августе ехать в Москву. В моей научной работе подошел к концу привезенный мной сюда научный материал.

В последней главе моей книги "О химическом строении биосферы и ее окружения" (44), я касаюсь вопроса о "ноосфере", об особом ее состоянии, которое предопределяет наше будущее, и поэтому я смотрю без сомнения на лучшее будущее после нашей победы. Впервые в истории человечества интересы народных масс, а не отдельных классов или лиц, явились идеологической основой государственной и социальной работы.

Впервые человек охватил весь земной шар, может жить, где угодно, сноситься с быстротой молнии, передвигаться сотнями километров в час. Человек в ноосфере становится геологической силой.

Непонятно при этом, каким образом может человеческий разум изменять ход природных явлений.

Над книгой этой я работаю уже почти четвертый год. Понятно, что мыслью и трудом, но мысль не подчиняется законам энергетики.

Надеюсь увидеться с Вами в ближайшие месяцы (45).

С сердечным приветом Вам обоим.

Ваш В.Вернадский

ААН. Ф. 1026, оп. 3, д. 221, л. 16. Машинопись.

36.
В.И.Вернадский — И.Ю.Крачковскому

Узкое, 8 октября 1943 г.

Дорогой Игнатий Юлианович,

Прочел я здесь в Узком книгу В.Яна "Чингиз Хан" (46). Кто это такой? По-видимому, он дает правильную историческую перспективу.

Может быть, Вы скажете по телефону моему секретарю Анне Дмитр<иевне> Шаховской(47).

Мой новый номер телефона К-5-93-39. Я пока в Узком, но скоро перееду в Москву.

Она мне передаст Ваш ответ. Война Чингиз-Хана — единственная, которая сравнима с нашей.

Сердечный привет Вам обоим.

Ваш В.Вернадский

ААН. Ф. 1026, оп. 3, д. 221, л. 18. Машинопись.

4. Алексеев

37.
В.М.Алексеев — В.И.Вернадскому

Ленинград, 21 февраля 1927 г.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

Получив Ваше извещение о привлечении меня к работе в Комиссии по истории знаний, спешу заявить о моей готовности, в размере моей компетенции, в оной Комиссии сотрудничать.

Примите уверение в нижайшем моем почтении.

В.Алексеев

ААН. Ф. 154, оп. 1, д. 1, л. 67. Автограф.

38.
В.М.Алексеев — В.И.Вернадскому

<Ленинград>, 14 января 1928 г.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Сергей Федорович Ольденбург передал мне Вашу любезную готовность познакомиться с чем-либо из моих кита-

еведных opusus. Разрешите поблагодарить Вас и предложить Вашему вниманию один из наиболее кратких и, как-будто, имеющих некоторое отношение к культивируемой Вами области.

С нижайшим поклоном,

Ваш В.Алексеев

ААН. Ф. 518, оп. 3, д. 21, л. 1. Автограф.

39.
В.И.Вернадский — В.М.Алексееву

<Ленинград>, 19 февраля 1928 г.

Многоуважаемый Василий Михайлович,

Очень благодарю Вас за присланную Вашу работу. Я и раньше знаком был с некоторыми из Ваших трудов. Очевидно Серг<ей> Фед<орович> <Ольденбург> что-нибудь спутал из нашей беседы. Но очень рад, что это дало мне возможность прочесть Вашу интересную статью.

С глубоким уважением,

В.Вернадский

ААН. Ф. 820, оп. 3, д. 225, л. 1. Автограф.

40.
В.М.Алексеев —В.И.Вернадскому

<Ленинград>, 21 мая 1929 г.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Если сегодня не дозвонюсь, разрешите просить Вас прислать мне книгу Sarton'a в Аз<иатский> Музей (до 31 числа), где занимается моя жена, Нат<алия> Мих<айловна> Алексеева.

Сейчас уезжаю "на дачу".
С поклоном,

Ваш В.Алексеев

ААН. Ф. 518, оп. 3, д. 21, л. 3. Автограф.

41.
В.М.Алексеев — В.И.Вернадскому

<Ленинград>, 13 февраля 1935 г.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,
Я сейчас только вычитал в каталоге, что в Китае вышла в китайском переводе книга: Vernadsky George. The Russian Revolution. 1917 — 1931. Перевод Лу Сюзина. 132 стр. Изд<ание> Commer<cial> Press в Шанхае. 1934. 0,35 доллар.
Возможно, что автор об этом не знал?
С поклоном,

Ваш В.Алексеев

ААН. Ф. 518, оп. 3, д. 21, л. 2. Автограф.

42.
В.М.Алексеев — В.И.Вернадскому

<Ленинград>, 8 января 1940 г.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!
Сердечно благодарен Вам за присылку "Проблем биогеохимии"(48), которые читаю и стараюсь своим косным, биохимическим мозгом понять, но всею душою вовлечен в Ваше настроение и чувствую, что Вы на грани великих открытий. Давно не читал ничего, подобного Вашей статье, глубокой и волнующей: дай только бог понять все, как следует!

Позвольте пожелать Вам здоровья и сил, достаточных для великого открытия, которое я числю за Вами и постараюсь, с Вашею любезной помощью, не прозевать.

С глубоким низким поклоном Ваш смиренный, но искренний почитатель,

Василий Алексеев

ААН. Ф. 518, оп. 3, д. 21, л. 5. Автограф.

5. Марр

43.
В.И.Вернадский — Н.Я.Марру

Петроград, 31 марта 1915 г.

Глубокоуважаемый Николай Яковлевич,

Очень благодарю Вас за присылку Истории Восточного Факультета Петер<бургского> Унив<ерситета> и прошу, если это сделано по решению Факультета, передать ему мою благодарность.

Ваш В.Вернадский

ААН. Ф. 800, оп. 3, д. 177, л. 1. Автограф.

44.
В.И.Вернадский — Н.Я.Марру

<Петроград>, 18 сентября 1917 г.

Глубокоуважаемый Николай Яковлевич,

В последнем заседании Ком<иссии> по уч<еным> учреждениям(49) М<инистерства> Н<ародного> Пр<освеще-

ния> в субботу единогласно решили просить Вас принять участие в ее работах. М<ожет> б<ыть> Вы не откажетесь войти в наш состав и прийти сегодня на заседание в 9 ч<асов> вечера в Академию наук.

Будет обсуждаться вопрос и о Кавк<азском> Институте(50).

Ваш В.Вернадский

ААН. Ф. 800, оп. 3, д. 177, л. 2. Автограф.

45.
В.И.Вернадский — Н.Я.Марру

Bourg la Reine
(Lenie 4 Rue du chemin de par)
11 мая 1925 г.

Глубокоуважаемый Николай Яковлевич,

Позволяю себе обратиться к Вам за разъяснением, которое м<ожет> б<ыть> не очень затруднит Вас. Жених нашей дочери, Н.П.Толль(51), ученик Н.П.Кондакова(52), начал под его руководством и по его указанию работу (докторскую диссертацию) по истории древних тканей — гл<авным> обр<азом> восточных и византийских. Смерть Н<икодима> П<авловича> была, конечно, для него огромным ударом — но свою работу он продолжает и я думаю, что он сделает все возможное, чтобы не бросить начатых научных исканий.

Мне кажется, из него вырабатывается талантливый и блестящий мыслящий ученый и Н<икодим> П<авлович> очень любил его.

Для его работы ему очень важно иметь снимки некоторых тканей, привезенных экспедицией Козлова(53) и хранящихся, по-видимому, в Академии материальной культуры.

Есть ли возможность заказать и получить эти снимки? И что — в случае принципиальной возможности — он дол-

жен для этого сделать? Он мне пишет, что эти снимки ему важны для уверенности в правильности его выводов и он вполне может их не опубликовывать и даже о них не упоминать, оставаясь в пределах того материала (частью нового), который он имеет, использовав, помимо опубликованного, западноевропейские и греческие музеи.

Очень Вы меня обяжете, если можете чем-нибудь помочь в этом деле и дадите Ваши указания. Мне кажется, сейчас необходимо делать больше усилий, чтобы сохранить научную творческую работу в <среде> молодежи. Толль же мне представляется — и таково было мнение Н<икодима> П<авловича> — очень недюжинным человеком, чтобы не сказать больше.

Я весь сейчас в научной работе и не успеваю делать и малой части того, что хочу исполнить. Я чувствую ту ответственность — моральную — которая лежит на мне, благодаря во многом исключительно благоприятным условиям, в каких я могу вести мою научную деятельность. Хотя, конечно, в этой форме, в какой она сложилась, она не отвечает вполне моим желаниям. Я и жена шлем Вам обоим горячий привет.

Ваш искренно

В.Вернадский

ААН. Ф. 800, оп. 3, д. 177, л. 3 - 3 об. Автограф.

46.

В.И.Вернадский — Н.Я.Марру

<Ленинград>, 3 сентября 1930 г.

Глубокоуважаемый Николай Яковлевич,

Препровождая Вам при сем свой пятилетний план, КИЗ считает необходимым особо отметить, что реальное положение вещей в КИЗ находится в прямом противоречии с этим планом, органически сложившемся в КИЗ. В самом деле, КИЗ располагает в настоящем году и, как КИЗ сообщено,

будет располагать в будущем, т.е. третьем году пятилетки, всего одной штатной единицей и весьма ограниченным бюджетом. При таких условиях КИЗ фактически не сможет выполнить органически сложившегося в ней плана, если не будут сильно увеличены ее рабочие силы и материальные средства. Это увеличение рабочих сил и материальных средств при указанных условиях с четвертого года пятилетки должно быть проведено в форме решительного расширения штатов и бюджета, а в наступающем третьем году, если расширение штатов и бюджета окажется невозможным, по крайней мере — в форме отпуска значительных дополнительных средств на работы по выполнению пятилетнего плана. Сообщая Вам об этом, КИЗ просит Вас не отказать в содействии благоприятному разрешению настоящего вопроса.

С совершенным уважением,

В.Вернадский

ААН. Ф. 800, оп. 3, д. 177, лл. 4 4 об. На бланке Комиссии по истории знаний, N254. Письмо написано рукой неизвестного лица с правкой и подписью В.И.Вернадского.

47.
В.И.Вернадский — Н.Я.Марру

<Ленинград>, 19 октября 1930 г.

Глубокоуважаемый Николай Яковлевич,

Направляю к Вам, как к В<ице>-През<иденту> А<кадемии> н<аук>, молодого ученого М.А.Шангина, ученика Ф.И.Успенского(54), работающего в Ком<иссии> по ист<ории> знаний по изданию в международном масштабе каталога астролог<ических> греч<еских> рукописей. Его внезапно удаляют из библиотеки и выбрасывают на улицу. М<ожет> б<ыть>, можно что-нибудь для него сделать. Кажется, дело еще не окончательное.

Ваш В.Вернадский

Я знаю отношение Ф<едора> И<вановича> <Успенского> к Шангину и его некоторых делах и могу Вам его очень рекомендовать.

ААН. Ф. 800, оп. 3, д. 177, л. 5. Автограф.

6. Крымский

48.
А.Е.Крымский — В.И.Вернадскому

Звенигородка, 20 августа 1908 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Сегодня, получил Ваше письмо. Не знаю, застанет ли Вас мой ответ, а потому посылаю заказным.

Я не заметил, как прошло лето, — и страшно жалко, что оно прошло! За все время я не видел ни единого постороннего человеческого лица (кроме своих: отца, матери и сестры), работал без устали, сделал как-будто бы и не мало, — и все же времени не хватило, чтобы сделать все предположенное. По словам Премудрости Соломоновой, "много замыслов в сердце человека, но совершит он только то, что определил Бог". Буду хоть этим утешаться.

Главное мое занятие было древне-русская литература, — и с каким наслаждением я погружался в нее! После окончания ист<орико> - фил<ологического> факультета (а я был на отделении словесном) я интересовался ею преимущественно как филолог-лингвист, и теперь систематическое, связное изучение истории литературы, к которой я подступил как бы вновь, прямо увлекло меня массою новых впечатлений. Я совсем и забыл цель, для которой мне понадобилась история литературы (т.е. магистерский экзамен), а занимался все время ради массы новых переживаний, впечатлений, — эстетического и... нравственного свойства. Да, поучался не для экзамена, а для своей жизни.

Вы, в чьем сердце сохранилась
Вера в Бога и сознанье,
Что во все века и всюду
Человек был человеком, —
Слушайте о Хайявате!

Эти слова Лонгфелло я вообще часто вспоминаю.

Вы пишете, что побывали в Англии после многолетнего отсутствия, не раз чувствуете себя полным воспоминаний прошлого, "а воспоминания — нехорошая вещь". Как много и других Ваших афоризмов, я и этот записал на скрижалях своего сердца, — тем более, что и для меня лично он пришелся кстати. Я тоже, прикоснувшись к предмету, который меня переносит в мои студенческие годы и будит воспоминания, мог убедиться, что "воспоминания — вещь нехорошая". Но не знаю, испытывали Вы теперь то, что я? А именно — ощущение краткости жизни, ощущение сгорания, которое ведет к одному концу? Полагая жизнь человеческую, по Данту, в 75 лет, получил mezzo del cammin della nostra vita* — 37 1/2 лет. Словно нарочно, как раз в нынешнее лето (3-го июля) я дошел до этой "середины пути", после к<ото>рой жизнь идет на убыль. У Анатоля Франса есть замечание по поводу Дантовского mezzo del cammin di nostra vita. Франсу представляется, будто этот "cammin" имеет вид горной дороги; ночь; посередине — перевал, и там — гостиница, с огоньками в окнах; дошел до нее путник, слегка передохнул, и ночью же уходит от нее вниз по перевалу; чем дальше отходит, тем тусклее огоньки в окнах гостиницы на mezzo del cammin della vita, и наконец он спустился в совершенно темную долину. Франс говорит, что всякий раз, когда он читает начало "Божественной Комедии":

Nel mezzo del cammin della mia vita

Mi ritrovai in una selva oscura (55) — его охватывает ужас, ужас за себя. Что-то в этом роде и я испытываю, но не от страха смерти (его, кажется, у меня совсем и нет), а от того, что время летит, старость приближается, а огромное количество задуманных работ, планов и т.п. остается незаконченным: лучшие годы пошли не на настоящую работу, а на подготовку к работе... И, сверх того, внутри пробуждается

голос, к<ото>рый упорно напоминает, что вся моя работа — эгоистическое наслаждение, что надо бы побольше активного альтруизма...

Но работа — такой наркоз, к<ото>рый всякую совесть убьет: погрызет душу червяк совести, погрызет, а потом человек берется за работу, забудется за ней, и ему кажется, что ничего выше ее нет.

Вы для меня, в этом отношении, представляете недосягаемый идеал: высокая научность гармонично сочетается с общественной деятельностью, фактической деятельностью, а не просто стремлениями, и оба направления развиваются в полной гармонии, не подавляя друг друга. Я не один раз во время этого лета, бросая взор в прошлое и испытывая ощущение неисполненного долга, представлял себе для контраста с собою Ваш образ. Вам-то, конечно, не придется, подобно мне, применять к себе слова возного в "Наталке-Полтавке": "От самой юности іміл большое стремленіе к совершенїю добрих дїл, но за недосужностью і занятіями по службі доселї нї единого не здїлал".

Чрезвычайно Вы меня заинтересовали своей теорией о "жизни", как особой мировой сущности сверх материи и энергии. В наших беседах Вы только один раз слегка коснулись этого вопроса, и то не в форме философской-общей, а частно специальным образом. — Давно когда-то, больше десяти лет тому назад (если не ошибаюсь), меня заинтересовал аналогичный вопрос, поднятый Бородиным (56) (о витализме), и борьба Тимирязева (57) против него. Как профан, я, разумеется, не в силах себе представить, найдется ли в Вашей теории какое-нибудь связующее звено с Бородинской, и тем интереснее было бы мне выяснить себе все в беседе с Вами... Будьте снисходительны, если во всем, что я написал по этому поводу, Вы найдете поразительное невежество мое в естественных науках: in tantis et voluisse satis;** а знать — когда же я имел время выучиться! Не уподобьтесь в своей строгости ботаникам, которые сердятся, если я говорю, что Euphorbia и Bupleurum*** хоть принадлежат к разным семействам, для меня субъективно очень родственны

друг с другом, потому что общий их habitus**** мне представляется достаточно сходным.

Крепко обнимаю Вас и приветствую Ваших, к<ото>рых Вы скоро увидите. Я приеду в Москву около 7 - 8 сент<ября>. Не имею в виду никакой квартиры, и если Вы услышите, что кто-н<ибудь> сдает комнату-две, то порекомендуйте меня.

Весь Ваш А.Крымский

ААН. Ф. 518, оп. 3, д. 880, лл. 11 - 12 об. Автограф.

* На середине пути нашей жизни (ит.).
** В столь великом деле достаточно, что было желание (лат.).
*** Молочай (лат.) и володушка (лат.).
**** Вид (лат.).

49.

А.Е.Крымский — В.И.Вернадскому

Звенигородка Киев<ской> губ<ернии>.
17 дек<абря> 1908 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Сейчас читаю индо-перс<идского> историка Фериште (ок. 1612 г.) и нахожу у него, в рассказе про Махмуда Газневидского под 416 = 1025 годом, следующее сообщение о золоте в Персии: "В Гуджерате (Суменатской области) Махмуда привлекали рудники, откуда добывалось чистое золото ("зар-и хāлиṣ")*. В наше время, — продолжает Фериште, — нет никакого следа этих рудников, но вполне вероятно, что во времена Махмуда они были, а теперь заброшены ("бāр тāрāф тодā", буквал<ьно>: "в стороне оказались", т.е. быть может просто "исчезли"). Это ведь часто случается. Ведь вот и в Систане в начале царствования султана Махмуда оказывался золотой рудник ("кāн", буквал<ьно>: "копь"), а под конец, когда случилось землетрясение, он исчез".

Фериште черпал свои сведения из историков, современных Махмуду. Очень вероятно, что это же место я найду и у

придворного газневидского историка Отби, а покамест сообщаю Вам то, что нашел у Фериште.

Percy Gardner's The gold coinage, 1908 выписал председатель Нумизматич<еского> Общества Ф.И.Прове (телефон N 31.00). Вероятно, до сих пор уж книга получена, и если Вы обратитесь к нему по телефону от моего имени, он ее охотно пришлет Вам.

Привет Вашим! Особенно Ниночке(58).

Весь Ваш А.Крымский

ААН. Ф. 518, оп. 3, д. 880, л. 13 - 13 об. Автограф.

* Здесь и далее А.Е.Крымский дает написание на персидском языке.

50.
А.Е.Крымский — В.И.Вернадскому

Звенигородка Киев<ской> г<убернии>.
11 июля 1909 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Не знаю, застанет ли Вас мое письмо. Посылаю, на всякий случай, заказным, — авось перешлют. Я замедлил с ответом (Ваше письмо пришло 5 дней тому назад), потому что спешил кончить "Очерк сирской литературы" (59), который типография не переставала от меня требовать: это — для 2-й части "Семитских языков и народов". Вообще весь последний месяц я был сплошь занят этим предметом, для чего, конечно, пришлось заблаговременно перевезти сюда множество книг и изданий из библиотеки Спец<иальных> Классов. С принципиальной точки зрения я, конечно, совершил преступление, потому что, пропади или сгори привезенные мною издания, не все легко было бы восстановить в библиотеке. Но уж раз является возможность совершать такие преступления, то приходится использовать всю их сладость. Quod feci.*

Да, счастие — что есть возможность насладиться наукой! Все забывается среди занятий, в душе водворяется спокойствие, и время течет незаметно. Чуть почувствуешь легкую усталость — сходишь в сад, в тень, где и полуденный зной не чувствителен; пройдешься по дорожкам, голова отдохнула, — и опять к себе вверх, заниматься. И хорошо!

Людей не вижу; разве кто случайно с отцом покажется в саду. Общество отца, матери и сестры вполне для меня достаточно. Да еще — выводок маленьких цыплят, который ест из моих рук, прыгает мне на плечи, на голову, когда я бываю в саду.

Вечером приносят почту. Тогда я с полчаса или немного больше идет на пересмотр малорусской и русской газеты, и вливается поток современных впечатлений. Не из приятных. Неприятность усиливается оттого, что сейчас все занято событиями восточными, где масса подробностей, ускользающих от внимания или оценки читающей публики, для меня имеет сугубый смысл, потому что я поневоле хорошо знаю закулисные обстоятельства, людей, топографию и т.п. Например, история восстания против персидского шаха не могла не волновать меня, особенно когда я живо мог оценить каждый шаг русских представителей и вспоминал ту двойную игру, которую вел неблаженной памяти Гартвиг с присными. Типично, что для переговоров с революционерами посольство могло послать только молоденького Евреинова (окончил курс у нас два года тому назад), а не кого-нибудь из "деятелей", сделавшихся для персов прямо ненавистными.

Вы читаете Гете. А я, должно быть, еще с полгода не буду в состоянии взяться за что-нибудь более новое. Сирская литература отняла у меня все это время; теперь приходиться скорее нагонять потерянное время, чтобы подготовиться к экзамену по древнерусской литературе, который предстоит обязательно в конце сентября или первых днях октября. И массу уж прочитал в течение весны, и масса еще остается. Целый океан.

Что же касается Гете, то конечные впечатления у Вас и у меня приблизительно одни и те же, хотя мы, разумеется, подступаем не с одинаковыми точками зрения. Я последний

раз перечитал Гете в 1907 году, а перед тем — в 1895. Наибольше дали мне в последний раз его романы: "W.Meister" и... "Wahlverwandtschaft". Второе для Вас, пожалуй, покажется и странным, но дело в том, что этот слабый роман затрагивает вопрос, который субъективно для меня очень интересен и ценен. А вязкого "Вильг<ельма> Мейстера" я охотно одолевал из-за тех оазисов, к<ото>рые вдруг в нем встречаются в виде напр<имер> афоризмов (хотя бы в дневнике Вильхельма). Иные из тех афоризмов оказались настолько удобоприемлемы для моей психики, что я их сплошь да рядом цитирую (Напр<имер>: "Если человек имеет все до едино<го> данные, к<ото>рые, по всеобщей оценке, составляют счастье, и если ему недостает какой-нибудь мелочи, к<ото>рая однако в его глазах равна всем тем данным, то это самый несчастный человек.").

Вы не пишете, что делают Ваши. Мне представляется, что я Ниночки целую вечность не видел. — В "Биржевых Ведомостях" была корреспонденция из Женевы, которая мне страшно напомнила компанию Вашего сына. Речь идет об университетском юбилее и о русском вечере. Подписано: "Петровская".

До свидания, дорогой Владимир Иванович! До скорого ли? — Или Вы успеете написать мне еще откуда-нибудь с дороги? Я же никуда отсюда не двинусь до 4-го сентября. 4-го хочу выехать, 6-го — быть в Москве.

Весь всецело Ваш А.Крымский

ААН. Ф. 518, оп. 3, д. 880, лл. 14 - 15 об. Автограф.

* Что я и сделал (лат.).

51.

А.Е.Крымский — В.И.Вернадскому

Киевской губ<ернии> г. Звенигородка,
6 авг<уста> 1911 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Когда Вы были в Киеве, у меня было очень тяжело в семье, и такое ожидание бедствия тянулось до половины

июля. Я так много за это время перестрадал, что и не мог браться за письмо к Вам. А затем... а затем несколько раз приступал, — и сердце сжималось, и не мог я спокойно писать.

В моей жизни встреча с Вами составляет огромную, важную полосу. Для Вас мое знакомство было лишь эпизодом, для меня — существенным отрезком жизни. Знакомых у меня много, и прекрасно относящихся ко мне много, но за несколько лет до встречи с Вами я всех оставил и жил полным нелюдимом. Почему? Не знаю. Может быть , и тяжелые гнетущие общественные условия имели здесь значение: хотелось эгоистически закопаться в науку и, не имея общения с людьми, забыть о том, что творится в свете. Но , конечно, главным поводом было ощущение пустоты, оставшееся от общения с людьми. Недавно Ефремов выпустил "Історію українського письменства"(60), где между прочим, дал и мою характеристику. С верным чутьем, к<ото>рое не раз бывает присуще критику лучше, чем автору, он очень удачно характеризовал содержание всех моих писаний двумя словами:"искание человека" Я ему представляюсь Диогеном, к<ото>рый днем со свечею ищет человека. В этой характеристике он верно уловил то ощущение, к<ото>рое меня постоянно охватывало... И вот, в обостренный период этого настроения, когда, чувствуя тоску от людей (несомненно и от очень хороших людей), я зарывался в свою книжную келью вдали от мира, — я вдруг случайно столкнулся с Вами.

С первого же момента Ваша личность поразила меня, поразила во многих отношениях. Для первых впечатлений много значит и то обстоятельство, что в Вас я увидел ряд данных, которые как раз во мне отсутствуют. Но главным образом на меня повлияла Ваша гармоничность: и прекрасный ученый, — и человек с чутким общественным принципом; и специалист, — и широкий философ; не только исповедник известных идей, — но и практический, последовательный исполнитель их в жизни... Да проводить ли еще другие параллели! — И вот мы сошлись. Я встретил от Вас и от Вашей чистой, благородной семьи сочувственное отношение; я сделался для Вас своим, — и очень ценил это. В

последние два года я умышленно старался не слишком часто бывать у Вас, — до того я считал нужным не обременять Вас своею личностью! С меня достаточно было и тех нечастых посещений, к<ото>рые я Вам делал, — чтобы почувствовать себя ободренным, ожившим, верующим в людей. И мне всегда казалось, что Вы, после всякой беседы со мной, могли сказать, как Христос к женщине: "Кто коснулся мя! Чухъ бо силу, я же от мене изыде"

А наряду со всем этим протягивались между нами какие-то невидимые нити, существование к<ото>рых Вы склонны бывали даже отрицать за их иррациональность. Я не раз, помню, слушая Ваш умный, мягкий голос, вдруг ощущал, что под этой ровной мягкостью кроется какое-то безотчетное страдание. Вы отрицали, Вы говорили, что я ошибаюсь; а я упорствовал в своем проникновении и, словно те два ученика, что вели беседу с воскресшим Христом по дороге в Эммаус, внутренно себе повторял: "Не горело ли мое сердце, когда я с ним беседовал?" И в эти минуты, которые, по Вашим словам, созданы были моей фантазией, я особенно горячо любил Вас.

А обстоятельства Вашего ухода из у<ниверсите>та — разве я их могу когда-нибудь забыть! Вечно они, с полной живостью, будут оставаться в моей памяти, как особенно красивый, благородный аккорд всей той гармоничности, к<ото>рую я в течение нескольких лет близко в Вас наблюдал.

Мы, конечно, больше в жизни не встретимся. Нельзя же считать встречами недолгие случайные свидания в Петербурге во время защиты диссертации (да и то возможно, что защищать я приеду тогда, когда Вы будете в какой-нибудь научной командировке). И оттого, с болью сердца, я Вам приношу мои прощальные пожелания всяких счастий и благодарность за то многое хорошее, что я от Вас и Ваших видел.

О своем времяпровождении нет охоты много писать. Достаточно сказать, что лето прошло в напряженных занятиях, — и только. Типография, в мое отсутствие из Москвы, ведет дело очень медленно и изготовила новых лишь три листа (и то еще не подписанных к печати окончательно, из-за множества ошибок, которые заочно править не легко); но я

вел дальнейшее исследование и сильно переделал дальнейший оригинал. Побуждением, к<ото>рое меня все время гнало к работе, был страх остаться одному с мыслями о себе.

Вяткину(61) не написал отчасти потому, что прямо с ним я вообще не переписывался; все наши сношения велись через Минорского(62). Я хотел было поэтому предварительно списаться с ним, — и вдруг оказалось, что Вы уже там были и проехали... От Остроумова(63), вершащего в Туркестане все дела просвещения, я получил одно довольно лирическое письмо, где он уверяет, что русским предстоит изгнание из Туркестана и что недалеко, для первого почина, нечто вроде повторения Андижанского восстания.

Крепко Вас обнимаю, дорогой друг, и приветствую Ваших. Весь полный мыслей о Вас.

А.Крымский

ААН. Ф. 518, оп. 3, д. 880, лл. 19 - 20 об. Автограф.

52.
А.Е.Крымский — В.И.Вернадскому

Киевской губ<ернии> г. Звенигородка,
30 янв<аря> <1915 г.>

Дорогой Владимир Иванович!

Я сегодня еду из Звенигородки назад в Москву. Перед моим выездом мне переслали из Москвы накопившуюся корреспонденцию — и там Ваше письмо.

У Вас в письме, наряду со сведениями об огромной работе, к< ото>рая у Вас кипит, сквозит бодрая уверенность в прекрасном ближайшем будущем; Вы пишите о великом времени, в к<ото>рое живем мы. Ну, а я никаких великих перспектив не вижу. Я, — как и Вы, конечно, — прекрасно ощущаю, что, воспользовавшись военным положением, правительство вернулось к до-реформационным временам. Что оно не захочет и после войны выпустить из рук "полноту власти", этого, надеюсь, никто не станет отрицать. А что

выйдет? Уж не общество ли заставит его ступить обратно на сколько-нибудь конституционный путь?! — то самое общество, которое дало ему сейчас полномочия "на вся", и в угоду которому вся печать превратилась в нечто исподличавшееся! Нет, дорогой Владимир Иванович! не великие события ждут нас, а великая реакция, великий гнет, в сравнении с к<ото>рым пережитые нами времена Победоносцева покажутся идиллией, светлой картиной. Положим, мне лично не привыкать стать к этому. Умел я до сих пор оторваться от действительности, углубившись в доисламские или халифские времена, — ну, придется закопаться куда-нибудь еще глубже. Но каково будет себя чувствовать напр<имер> "Речь", если ей, года два спустя, покажут ее же передовицы, писанные теперь и припечатывающие ненормальное превышение власти "властью"? А ложь для целей "ободрения общества"?

Безысходность нынешнего положения вообще я понимаю. Требуется для страны победа, — и разъединения вносить не приходится. Однако, помолчать о чем-нибудь нежелательном — это одно, а говорить и оправдывать то, против чего шла до сих пор борьба, это опять иное дело. А заведомо при этом мат — это третье дело, это уж полный разврат. Нашей печати узнать теперь нельзя, до чего она изолгалась перед самой собою. Я упомянул "Речь", потому что она безусловно пристойнее всех, потому что у нее гораздо меньше лжи перед собою, чем у других органов. А возьмите "Биржевые ведомости" со статьями Струве(64), восхваляющего "непонятных" Дудыкевичей и прочих воров! Возьмите "Русское слово", наиболее читаемый в России орган, с его восхвалением немецких погромов и проповедью ненависти против немецкой культуры, и т. п., и т.п.

Владимир Иванович! Дорогой Владимир Иванович! Это ли великие перспективы?!

Крепко Вас обнимаю, прошу передать горячий привет всем Вашим.

Мой адрес (на три года): Милютинский пер., д. Общества Страхования жизни, * кв. 52. Телефон прежний: 1.26.95.

Ваш А.Крымский

ААН. Ф. 518, оп. 3, д. 880, лл. 26 - 27. Автограф.

* Против костела, или вернее — против театра "Летучая мышь".(Прим. А.Е.Крымского).

53.

А.Е.Крымский — В.И.Вернадскому

Киев<ской> губ<ернии> г. Звенигородка,
10 июня 1915 г.

Дорогой Владимир Иванович!

У меня чувствуется прямая душевная потребность списаться с Вами, обменяться мыслями-думами, а где Вы сейчас — не знаю. Адресую на Академию, — авось перешлют Вам без особых опозданий, и Вы мне дадите свой летний адрес.

Весь Ваш А.Крымский

ААН. Ф. 518, оп. 3, д. 880, л. 25. Автограф.

54.

А.Е.Крымский — В.И.Вернадскому

Трапезунт, 21 авг<уста> 1917 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Я, вероятно, дня через три уж еду из Трапезунта, но, покамест, пользуясь оказией, шлю Вам с человеком, едущим в Россию.

Я получил письмо из Москвы, в к<ото>ром сказано, что Мануилов (65) предоставил армянским общинам право выбирать общего (!) директора для гимназических и студенческих классов, совершенно не считаясь с желанием или мнением совета Специальных Классов. — Мне просто не верится, чтобы государственный человек мог пойти на такое решение, но на всякий случай вновь повторяю свою просьбу: пусть не производится выбор директора и пусть не утверждается новый директор, пока не будет опрошен совет

Спец<иальных> Классов, к<ото>рый мотивированно изложит министерству полную недопустимость подобного избрания директора для Лазаревского Института, пока при Институте существуют Специальные Классы с их общегосударственными задачами, и притом — на правительственные средства.

Или же пусть Специальные Классы будут отделены от Лазаревской армянской гимназии. Вы ведь лучше, чем кто-либо, понимаете, что именно теперь и нужно поднять практическое востоковедение; а какое же возможно поднятие, когда директор будет избираться армянами для своих собственных национальных целей, а не для российских востоковедных нужд!

Очень прошу Вас переговорить с С.Ф.Ольденбургом и отклонить его от спешного признания распоряжения своего предшественника, если такое действительно состоялось. (Мне, повторяю, все же не верится, чтобы интересам среднеучебного заведения Мануилов решился принести в жертву интересы высшего заведения). Отложить решение вопроса до начала академического года, т.е. до съезда всех профессоров и преподавателей Специальных Классов (лучше сказать, для верности: до второй половины сентября) — это будет и разумно, и справедливо.

Привет Вашим! Крепко Вас обнимаю и горячо жму руку.

Весь Ваш А.Крымский

ААН. Ф. 518, оп. 3, д. 880, лл. 28 - 28 об. Автограф.

55.
А.Е.Крымский — В.И.Вернадскому

Москва, 9 окт<ября> 1917 г.

Дорогой Владимир Иванович!

После многих злоключений я, пространствовавши три недели, кружными путями прибыл в Москву. Считаю ре-

зультаты экспедиции в общем удачными (все-таки свыше трехсот одних рукописей), хотя многое только теперь и наметилось. С Успенским работать можно, я в этом убедился, хотя прочие члены экспедиции и злились на него сильно. — В Институте у нас идут крайние волнения. Студенты грозят скандалами, если армянские комитеты вмешаются в жизнь Спец<иальных> Классов; комитеты и сами желают выпереть Спец<иальные> Классы куда-угодно; а мы завтра собираемся на проф<ессорский> совет, чтобы повторить перед м<инистерством> настоятельное заявление об автономии и недопустимости вмешательства арм<янских> комитетов, где в большинстве сидят люди, более чем чуждые науке и востоковедению. Я пишу Вам обширную записку на тот случай, если бы пришлось отделить Спец<иальные> Классы не к у<ниверсите>ту, а в особое заведение. Но, конечно, у< ниверсите>т был бы самым подходящим местом.

Привет семье.

Ваш А.Крымский

ААН. Ф. 518, оп. 3, д. 880, л. 29. Автограф.

56.
А.Е.Крымский — В.И.Вернадскому

Звенигородка. 18 октября 1930 г.

Дорогой Владимир Иванович!

Ваше письмо переслали мне в Звенигородку, где я невольно застрял: из сберегательной кассы не выдают положенных туда моих денег, а из Киева получить — тоже нельзя: на почте тоже не выплачивают денег по переводам. Говорят, что лишь 1-го н<оя>б<ря> появятся здесь денежные знаки. (До того времени все употребляется на хлебозаготовки: уплату за законтрактированное зерно). Я — в катастрофическом положении, и не каждый день обедаю, а на билет денег и подавно достать нельзя.

Половецкие рукописи в Киеве действительно есть. Писаны они не самими половцами, а теми армянами, к<ото>рые жили на половецкой территории и усвоили половецкий язык, как свой обиходный, а потом переселились в Подолию. Армянский алфавит бесконечно точнее латинского, и Петраркин Codex Cumanicus,крайне неудачно восстановленный Радловым в якобы подлинном половецком произношении, получает более точное истолкование при помощи армянско-половецких документов. Мой сотрудник по тюркологической комиссии Грунин (66) (ученик моего ученика Гордлевского) (67) уже изготовил грамматику этих документов, по моему поручению, под моим руководством общим, да вероятно придется мне же и проредактировать ее. Для истории тюркских влияний на старый русский язык очень важно знать точно языки тех тюрков, к<ото>рые оказывали влияние на него. Лишь с помощью точных грамматик можно устанавливать, из какого тюркского языка заимствовано то или другое слово: от половцев ли, от османов ли. Это граммат<ическое> знание позволяет разобраться и в географической номенклатуре юж<ной> Руси-Украины: тюркских топографических названий у нас масса, одни — следы от половцев, другие — от татар крымского типа, третьи — от ногайцев. Знать, что от кого, важно и в культурно-историческом отношении. — Об этих армянско-половецких документах у меня уже печатно даны сведения в недавно вышедшем (или вот-вот уже выходящем) выпуске моей серии: "Тюрки, іх мови та література"(68). Думаю, что Окрлит уже его выпустил в свет.

Работается мне плохо; обостренное воспаление сердца терзает меня еженощно, соединяясь с грудною астмою, — и это, конечно, отражается на работе, она идет медленно. Причина, главным образом, та, что, моего сына безвинно, по подозрению, сослали в каторгу на Белое море на десять лет. В чем его подозревают, этого не знает никто. Предполагали, что его высылка стоит в связи с делом Ефремова (СВУ); но вознесенный и низверженный "акад<емик>" Яворский(69) сказал Перетцу(70), что это не так: подозревают, мол, моего сына в ином чем-то. В чем? — Я ломаю себе над этим голову.

Ходатайствовать не перед кем: Скрипник(71) воздвиг против меня гонение и озлобление. Если так дело продлится, а я не умру, то придется, вероятно, искать себе службы в одной из тюркских республик Союза. Питаю однако надежду, что не за горами уже та освободительница, которая перенесет туда, идеже несть болезнь, печаль, ни воздыхание, ни то собачье голодное существование, к<ото> рое мы влачим. Не знаю, как у Вас в Петербурге, но у нас на Украине люди, собравшись, не имеют другой темы для разговора, кроме жалоб на отсутствие еды, на формальное голодание, на ужас замерзнуть в нетопленной квартире, простудиться на улице из-за отсутствия подошв в обуви или теплой одежды, и т.п., и т.п. В 1920 - 21 гг. у меня был период, почти полугодичный, когда я не имел жиров; но полного отсутствия пищи у меня не бывало. Теперь сплошь да рядом бывают дни, когда я совсем ничего не имею есть... Безисходная тоска! Не жизнь, а сплошной позор, углубляемый сознанием, что через месяц будет еще хуже, через два — и того хуже, через три — все хуже и хуже, и так — без конца. Я вообще избегал людей, любил одиночество, а теперь — еще более нелюдим, углубился в себя, и жду не дождусь, когда же наконец Парка перережет нитку моей жизненной тропы.

Весь Ваш А.Крымский

Адрес: Киев, Малая Подвальная, д. 3, кв. 4. Какой теперь адрес Вашей квартиры?

ААН. Ф. 518, оп. 3, д. 881, лл. 7 - 8 об. Автограф.

57.

А.Е.Крымский — В.И.Вернадскому

7 октября 1937 г.,
Звенигородка Киев<ской> обл<асти>.

Дорогой Владимир Иванович!

Я очень давно получил Ваше письмо. А не отвечал потому, что, скажу искренно, мне очень тяжело было бы

отвечать. Едва ли Вам будет вполне понятно мое настроение, вполне. Вы настолько хорошо обставлены материально, что мои нищенские переживания не могут не быть для Вас чем-то чуждым, и мне представляется, что в душе Вашей должны возникать настроения приблизительно такие, как у тех французов в "Персидских письмах" Монтескье, которые, услышавши, что перед ними перс, un persan, с некоторым недоумением сами себя спрашивают: "Un persan? Comment peut-on être persan?"*

На Ваш вопрос: "Как вы живете и работаете?" я ведь обязательно должен был бы отвечать: "Работаю с утра до вечера, работаю очень продуктивно и работа позволяет мне забыть о той глубоко унизительной жизни, в кот<о>рую повергает меня мое нищенство". Я назвал бы свою жизнь унизительной потому, что жалованье мое едва-едва давало мне до сих пор возможность питать себя и свою семью (шесть нетрудоспособных людей) и заставляло отрывать мою мысль от науки мучительным раздумыванием о починке обуви, о починке оборванной одежды и т.п.: "что я мог бы продать, чтобы поправить обувь и лохмотья, не отнимая пищи от рта у себя и своих домашних?" Всего дней пять тому назад мне пришлось иметь гнусно-позорный разговор с сапожником. Старичок старался втолковать мне, что двадцать рублей за подметку к моему разваливающемуся сапогу очень дешевая цена, а я упрашивал его взять 15 рублей, потому что, до новой присылки жалования, у меня не хватит денег даже на хлеб для семьи... Милая цена?

Только третьего дня мне блеснул луч надежды на избавление от той дикой нужды, в кот<о>рой протекали для меня последние пять лет. Академикам прибавили жалованье. Мне прислано 600 руб. за полмесяца, и я вчера мог отдать сапог сапожнику в починку за ту цену, т.е. 20 р., меньше к<ото>рой он не соглашался брать. Я почувствовал, что нек<ото>рое время (пока цены опять не вздуются) я имею право чувствовать себя человеком, с человеческим достоинством, а не изголодавшимся полузверьком. Конечно, о довольстве не позволит мечтать и новое жалованье, но оно позволит по крайней мере не ощущать себя беспрестанно нищим. Вчера

же я позволил себе убогую роскошь: купил на зиму 5 пудов картофеля для семьи за 50 рублей. Для меня было счастьем— сознание, что я спокойно могу истратить деньги на это. И я ощущал, что унижение моего человеческого достоинства как-будто перестает для меня быть нормальной, неизбежной вещью. Куплю и метра два дров, если отпустят. Роскошь!

Хочу верить, что до моей смерти (к<ото>рая, конечно, очень недалека) я успею поработать уже в более нормальной обстановке и, быть может, забуду те кошмарные пять лет, последних, когда единственным утешением была мысль: "Терпи спокойнее! другие ученые, не академики, поставлены в худшие условия. Ты недоедаешь, а они и недоедают, и не топят квартир..." Да, помню, зашел я года два тому назад к хорошему филологу Калиновичу взять у него свою книгу. Он сидел за столом в зимнем пальто и в валенках и писал. Тепла в комнате было два градуса. Он меня пригласил сесть, но я через две минуты поторопился уйти: начало ломить ноги. Между тем у Калиновича материальное положение считалось лучшим, чем у других профессоров. Возвратившись домой и усевшись заниматься в своей хорошо натопленной комнате, я понял, что я все же счастлив: вещи познаются из сравнения.

Буду думать, что наступивший период удовлетворения элементарнейших потребностей не сразу же превратится в пуф. Конечно, изъяны в жизни будут оставаться, но их легче переносить, когда твердо знаешь, что их ощущают все без исключения. У меня, например, прогнил пол, и одна половица провалилась. Я целое лето тщетно разыскивал в Звенигородке доску, — нигде нельзя найти! Но раз я понимаю, что деревянная доска есть вещь, вообще не существующая в нашей природе, я мирюсь с ее отсутствием. Закрыл дырку куском старого "дикта", подложил под дикт всякого мусора, — и успокоился. Закрасить, конечно, нечем, п<отому> ч<то> масло красочное тоже не существует в природе, но я достал все же краски, развел ее скипидаром, купленным в аптеке, и дикт принял пристойный вид. Поеду в Киев, — может быть, там раздобуду доску и пришлю с "оказией" на грузовом автомобиле МТС. Автомобили оказывали мне большую ус-

лугу во время лета. Тут у нас не было в продаже ни хлеба, ни муки в течение целого полугода. По моей просьбе, шоферы-грузовики за известную мзду покупали в Киеве для меня (как и для себя) с десяток печеных хлебов и муки, — и я лишь изредка сидел тут совершенно без хлеба. В сентябре положение изменилось; наши пекари стали выпекать хлеб, и выписка хлеба из Киева прекратилась. Но ко всем этим гримасам жизни я всегда относился совершенно равнодушно, и они мне не портили настроения, да и впредь не испортят.

Я здесь не имею никаких газетных сведений. Даже любители газетного чтения с трудом достают газеты (московских же и совсем тут не бывает, и подписки на них не принимают), а у меня в семье никто даже не интересуется тем, чтобы их достать. Эта моя оторванность от мира очень благотворно действует на расположение духа, и научная работа много выигрывает от отсутствия внешних впечатлений. Зашел, только, на днях доктор к одной из больных моих домочадиц и, качая головою, сказал мне: "А войны, кажется, не избежать". Я прямо обомлел. Что ж это! опять повторение того, что мы пережили двадцать лет тому назад?! О! да минет меня чаша сия! Если суждено войне разразиться, то пусть уж после моей смерти! Apres nous le deluge!** Я целую ночь не мог заснуть, все рисовал себе картины пережитого военного времени и старался себя успокоить, что авось все "образуется", уладится, и пойти на мировую бойню люди не рискнут.

Спрашиваете, когда мы с Вами познакомились. В 1904 <году> осенью. Тогда была собрана (или еще не собрана, но намечалась) междуведомственная комиссия в округе по поводу высших школ и их забастовок, а у Вас на квартире предварительно собирались представители всех высших школ Москвы для совещания. От Лазар<евского> Института был я. После совещания, когда все расходились, Вы предложили мне остаться и пообедать вместе с семьею. Мы разговорились, Вы вспоминали о Драгоманове. Так и установились наши близкие отношения. В Вас меня больше всего пленило твердое сознание общественного долга, умение исполнять сверх научных дел также общественные обязанности, — то, к чему я всегда был не способен, — уменье

сочетать горячую любовь к научным, кабинетным занятиям со способностью, например, поехать на земское собрание в Моршанск или Тамбов. А потом Кассовская история, <сессия> профессоров, Ваш отъезд в Петербург... О, как недавно все это, думаешь, было! И трудно сказать, увидимся ли мы еще когда-нибудь... Кажется, в конце октября состоится съезд арабистов в Ленинграде (окончательно он еще не утвержден Президией). У меня мелькнула мысль, не вернуться ли назад в Киев через Москву, которую я даже плохо себе теперь представляю после двадцатилетнего отсутствия. Но толка... О, трудности достать билет из Москвы в Киев меня так отпугивают, что едва ли я, беспомощный в своей слепоте, решусь на такой подвиг.

Привет Нат<алии> <Егоровне>!

Ваш А.Крымский

Мой киевский адрес: Малая Подвальная, д. 3, кв. 5 (на Академию адресовать нельзя: канцелярия обычно теряет письма и не вручает адресатам).

ААН. Ф. 518, оп. 3, д. 881, лл. 9 - 11. Автограф.

* Перс? Как он может быть персом? (фр.).
** После нас хоть потоп! (фр.).

58.
А.Е.Крымский — В.И.Вернадскому

31 декабря 1940 г.,
Киев, Малая Подвальная, 3, кв. 5.

Дорогой Владимир Иванович!

Я забыл у Вас на столе данную мне Вами Вашу работу, но здесь в Киеве я внимательно ознакомился с целым рядом Ваших других, аналогичных работ. Не все для меня понятно вследствие плохой подготовки к такому чтению. Кое-какие недоумения покажутся Вам даже наивными. Напр<имер>, по поводу радия у меня возник вопрос, почему те места, где

констатируется радий, не имеют климата тропически-жаркого? Но все это для меня — филолога вещь второстепенная, — меня увлекли только Ваши мысли и сообщения о зарождении совсем новой науки, новых ее путей. Так как советская власть сумела всецело включиться в новое направление, то этим самым обеспечила свое значение и свою роль в дальнейшем развитии мировых идей, а тем самым свою ведущую роль в дальнейшем развитии нашего государства. С этой стороны моя длительная беседа с Вами, выслушание целой лекции от Вас, оставили во мне глубочайшее впечатление. Я всегда глубоко ценил Ваш философско-исторический взгляд на науку и учился от Вас многому, расширяя свой кругозор. Теперь мое пребывание у Вас опять освежило меня. Это не та научная схоластика, к <ото>рую нам преподносят разные самозванные марксисты вульгарного типа и к<ото>рая скучна и бесцветна и переходит в догматическую формалистику. От Вас я надлежащим образом философски понял, в чем идейная сила и заслуга большевизма, не частная, а общая.

Вы предвидите, что уж наши внуки, если не дети, используют плоды того процесса, который теперь мощно свершается в науке и в мире идей. Но, хотя Вы оптимистически и приближаете новую эру к нам, все же я не могу отогнать от себя чувство меланхолии. Два поколения — далекий срок. А нам с Вами и жить то осталось лишь несколько лет! Хотелось бы приоткрыть завесу поскорее, проникнуть в будущее более ощутительным приемом, чем рисовкою правдоподобной, но все же сравнительно далекой картины. Приятно знать, что все, совершающееся сейчас, разумно и целесообразно в своей основной нити; но хотелось бы при жизни пожать грядущие плоды.

Покамест приходится довольствоваться сознанием, что и Вам и мне советская власть дала самые благоприятные условия для работы, пред нашею близкою смертью. Я лично в последние месяцы ощущал не только материальную заботу властей обо мне, но и нек<ото>рое нежное душевное внимание. И в газетах, и по радио идет деятельная подготовка к задушевному отпразднованию моего 70-летия (16 января).* Обещано мне, что проведен будет этот юбилей по возмож-

ности "семейно", в атмосфере не шума, а "задушевности". Но так как радио все время оповещает о нем всю провинцию и так как статьи обо мне появляются в самых глухих захолустьях (сегодня, напр<имер>, мне поднесли фельетон обо мне, напечатанный в Сумах), то, вероятно, дело без нек<ото>рой суеты не обойдется. Будет устроено общее собрание Ак<адемии> Н<аук> 16 янв<аря> в конференц-зале, что уж само по себе парадно; а если подоспеет десяток-другой телеграфных приветствий, то уж этим одним тихая "семейность" нарушится. Знаю, что и во Львове хотят этот день как-то отпраздновать. Мне , скромному жителю книжного кабинета, конечно, приятнее было бы, чтобы все благожелания присланы были мне через почтальонов на квартиру, чем за парадный стол, на к<ото>ром я буду восседать словно на-покути или в иконостасе. Однако уже отступления нет, и мне, серенькому невидному старичку, придется покрасоваться в иконостасе и отвечать на приветствия более или менее впопад. Обязанность отвечать, впрочем, меня менее всего смущает, puisque j'ai la langue bien pendue.** Одну очень хорошую вещь собирается наша власть связать с моим юбилеем: основать в Киеве востоковедный институт. Сообщено это urbi et orbi*** по радио. Можно лишь порадоваться.

А тем временем здоровье мое подается. В Москве я был здоров, и приехал здоровехонький в Киев, а затем — не перестаю выходить из состояния перманентной простуды. Землетрясение повредило в моей квартире наружные стены, и при начавшихся морозах просто сидеть в доме нельзя: печка натоплена, а изо всех щелей немилосердно идет холодный воздух, многими струями. От кашля совсем порвана слизистая оболочка горла и груди (кашляю — словно иголками колят в груди); насморк совсем разъел нос и губы; из губ точится кровь, и они пересохли, точно обожженные. В прежние годы болезнь внушала бы мне приятное убеждение, что пора уж идти на лоно Авраамово; теперь — опыт подсказывает мне, что, пожалуй, еще годика два три протяну, лишь бы наступила оттепель; а она для Киева дело обычное. Но, конечно, возможны и неожиданности, и не исключается возможность, что устраиваемый для меня юбилей окажется

и физическими похоронами, с подобающими некрологами. Я довольно безразлично отношусь к мысли о смерти. В те же часы, когда пребывание в поврежденной квартире причиняет особо сильные физические страдания, я даже, по временам, мечтаю о смерти! Но вероятно, переживу нынешнюю "халепу", а весною что-нибудь устроится с квартирою, в лучшем направлении.

С памятью Драгоманова(72) дело теперь обстоит хорошо, лучше чем это думает Светозар. Завоевание Галичины и Буковины обнаружило, что в каждой хате висят портреты Шевченка и Драгоманова, а Димитров подтвердил, что в Болгарии основателем соц<иал>-дем<ократической> партии был, собственно, Драгоманов. Но вне Украины, конечно, Заславский и еще какая-то дама-недоучка, редактировавшая историю СССР, не хотят сдавать свои позиции, и Зоря(73) принужден бороться. Реабилитацию заслуг своего отца он сделал буквально единственною задачею своей жизни и неутомимо этого добивается. Вы, понятно, лучше других могли бы ему помочь в его задаче. Но где времени взять? Поможет Зоре общий курс киевской политики. Обрусительная тенденция прекратилась не только в воззрении на язык и его характер, но и в воззрении на роль старых украинцев. Недавно отпраздновали очень торжественно юбилей покойного Старицкого(74) (я лежал больной, знаю подробности по чужим рассказам), — пять лет тому назад это было бы немыслимо. За столом в президии (в Ак<адемии> Н<аук>) сидела и Люд<мила> Мих<айловна>(75). О Веронике ни слуху, ни духу.

Привет Наталье <Егоровне>.

Ваш А.Крымский

Пока кончил письмо, кончился старый год. Приношу свои благопожелания, — личные на первом месте, нечто вроде "благоденственного и мирного жития, здравия и спасения, во всем благого поспешения".

ААН. Ф. 518, оп. 3, д. 881, лл. 13 - 14 об. Автограф.

* По странному стечению обстоятельств, этот день является 40-ю годовщиною моего утверждения на профессорской кафедре и лишь чуть-чуть более поздним днем, чем появ-

ление моих первых беллетристических работ за десять лет перед тем. Т.е. исполняется 50-летие писательской деятельности. (Прим. А.Е.Крымского).

** Потому что у меня хорошо подвешен язык (фр.).

*** Во всеуслышание (лат.).

59.
В.И.Вернадский — А.Е.Крымскому

Москва, 12 января 1941 г.

Дорогой друг Агафангел Евфимович,

Я тоже очень оживлен свиданием с Вами и длинные наши беседы после долгого молчания были мне дороги. Я надеюсь еще и еще свидеться.

Письмо это придет ко дню Вашего юбилея.

15 января 1941 г.

Послал телеграмму и теперь "кончаю" письмо. Дорогой друг — сводя итоги жизни — передо мной проходят наши встречи. В общем единая нить — одна идея: научная творческая работа и свободная культурная работа за Украину и ее родные языки наших предков. Эти оба стремления мне <привил> мой отец с детства. И я никогда не мечтал даже, что мне придется в обоих течениях принять самое горячее, до известной степени ведущее участие. И в обоих путях я шел рядом с Вами. Моя научная работа для меня и в сущности для Вас все же была <итоговая>. Sub specie aeternitatis,* она стоит на первом месте — но культура украинского народа на родном языке — и научное его творчество и мысль на этом языке — в критический момент истории нас объединили и мы с Вами выбрали правильный, как это видно теперь, путь. Правильный путь, я думаю, и я выбрал тоже — когда в 1926 году вернулся и не сделался французским или чешским гражданином вопреки мнению моих детей.

Правильный путь в критический момент истории украинской научной работы — наше общее с Вами дело. Ход

истории позволил нам направить ее ход по верному руслу. Помните наше заседание, когда нам предложили уехать с "правительством" Украины в Каменец-Подольск? И Ваше мужественное выступление <...>.** Затем, когда удалось остановить попытку реставрации при Деникине и я остался во главе с Тимошенко (76) и Левицким (77) <...>.**

Наше свидание в Москве недавно мне было очень дорого и меня оживило. И я уверен, что и Вы то же чувствовали. Очень хотел бы еще раз побывать в Киеве — весной к сестрам — но м<ожет> б<ыть> это мечтания. Сил не хватит и не стану рисковать, т.к. сейчас идет хорошо моя работа и я хочу не написать большую книгу, о которой мечтал — но вкратце изложить все основные новые выводы и организовать работу по геохимической карте биосферы.

Сердечный привет дорогой, старый друг, Н<аталья> Е<горовна> шлет его тоже.

Ваш В.Вернадский

ААН. Ф. 518, оп. 3, д. 881, лл. 15 - 15 об. Автограф.

* Дословно: "Под видом вечности" (лат.).
** Написано неразборчиво.

60.
В.И.Вернадский — А.Е.Крымскому*

<Москва>, 15 января 1941 г.

Щиро вітаю дорогого друга Агафангела Евфимовича Кримського. Бажаю здоровья довгоі наукової праці.

Академик Вернадський

ААН. Ф. 518, оп. 3, д. 881, л. 16. Автограф, черновик.

* Телеграмма адресована: Киев, Академия наук, ул. Короленко, 54.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В чем состоит характер восточных влияний? Каким образом происходят эти влияния? В чем единство восточных и западных традиций? Много вопросов, и ответы на них могут быть самые неожиданные.

Возможно, характер влияний имеет ассоциативную природу, как в случае с Ригведой, когда Вернадский восхищается ее стихами и предчувствует какую-то ассоциацию, что дает ему аналогию и приблизительный (или точный!) способ построения научной концепции. Авторитеты в области истории науки признают, что отдельные системы индийской философии, в частности Веданта, могут представлять большую ценность в осмыслении проблем единства живого вещества, единства человека и природы, взаимного превращения живого и косного вещества, космичности и вечности жизни. (Мочалов, 1982) (1).

Возможно, Вернадский обращается за некоторыми "наведениями" к иной системе культуры. Да, так может быть, — в другом историческом типе культуры могут существовать образы и понятия, применимые в западном способе осмысления мира. Некоторые исследователи считают, что интерес Вернадского, как представителя естественнонаучного мышления, к восточной философии связан с методологическими поисками современной науки. (Григорьева, 1985) (2).

Возможно, Восток — своеобразный источник вдохновения для ученого, из которого он черпает творческие силы, как бы заряжаясь психической энергией, энергией действия. Результатом такого прикосновения к резервуару энергии становится создание научной теории. Не случайно Вернад-

ский говорил, что лучшие свои идеи, например, пришли к нему "во время слушания музыки Баха". Это еще один оборот мысли.

Подводя итог размышлениям и делая в большей степени прогноз, чем заключение, попытаемся все-таки ответить на вопрос о характере восточных влияний. Очевидно, что ключ понимания скрыт не в системе культуры, а в способе мышления человека или группы людей. Быть может, ближе к истине находятся те ученые, которые утверждают, что существуют западный и восточный стиль мышления, образное и логическое мышление. Мы знаем, что Европа стоит на культуре логики, в Азии воспитывается культ образа.

Возьмем иллюстрацию из области языка. Чтобы выразить какое-нибудь понятие, на Западе пользуются алфавитом, состоящим, из отдельных букв, на Востоке — иероглифами. Слово "человек", например, в европейских языках состоит из цепочки букв, следующих одна за другой, и возникновение понятия о человеке требует определенной последовательности мыслительного акта. Иероглиф "человек" (в китайском или японском языках) дает сразу целостное представление о человеке как таковом — в сознании всплывает как бы завершенный образ. В первом и во втором случаях способ мышления различный.

Разница западного и восточного мышления очевидно заключена в отношении к целому, к Абсолюту. Мир един, и мы идем к его познанию с разных сторон. Восток идет от целого, от разделения Единого на множественное; Запад отталкивается от множественности мира, чтобы выстроить его в своем сознании до Абсолюта. Налицо две стороны одного и того же процесса, и мера всего есть отношение к Абсолюту, а это и есть отношение к Востоку.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1

1."Россия никогда не была Востоком." Интервью с академиком Д.С. Лихачевым // Литературная газета. 1992. 5 февраля.

2. Capra F. The Tao of Physics. London, 1986. (1-е изд.: 1975); также см.: Capra F. Uncommon Wisdom. London, 1989.

3. См.: Environmental Ethics, Winter,1986. Vol.8, N4 и Philosophy East and West (Honolulu). Vol.37, N2 (April, 1987).

4. Вернадский В.И. Письмо к П.К.Коковцеву. 16.05.1938 // Архив РАН. Ф.779, оп.2, д.55, л.4 об.; П.К.Коковцев (1861-1942), семитолог.

5. Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1965. С.324.

6. Эрман В.Г. Очерк истории ведийской литературы. М., 1980. С. 93.

7. "Посвятить свои силы работе над историей развития науки" (Из писем Вернадского жене) // Природа. 1988. № 2. С.48.

8. Вернадский В.И. Живое вещество. М., 1978. С.45, 313, 321-324.

9. Вернадский В.И. Мысли натуралиста об организации славянской научной работы на фоне мировой науки. 1942 // Архив РАН. Ф.518, оп.1, д.220-г, л.3. Машинопись.

10. Архив РАН. Ф.1039, оп.1, д.342, 53 л.; д.21, 57 л.; д.22, 10 л.; все - машинопись.

11. Личков Б.Л. Прогресс человеческой жизни, будущее человечества и ноосфера. 1964 // Архив РАН. Ф.1039, оп.1, д.21, л.44.

12. Аверинцев С.С. П.Флоренский и христианский Восток. Рукопись. 1989 // Архив автора. Машинописная копия. 3 с.

13. Минувшее. Исторический альманах. Париж, 1986. с.277.

14. Вернадский В.И. Записи и заметки дневникового характера // Архив РАН. Ф.518, оп.2, д.4, л.292 об. Автограф.

15. Там же. Л. 295 об.

16. Переписка В.И.Вернадского и П.А.Флоренского // Новый мир. 1989. N 2.

17. Вернадский В.И. Хронология // Архив РАН. Ф.518, оп.2, д.55, л.209. Автограф, машинопись.

18. Вернадский В.И. Письмо к П.А.Флоренскому // Архив РАН. Ф. 518, оп.3, д.2015-в, л.1. Машинописная копия.

19. П.А.Флоренский: философия, наука, техника. Л., 1989. С.59-62.

20. Вернадский В.И. Размышления натуралиста. Научная мысль как планетное явление. М., 1977. С.33, 55.

21. Письма В.И.Вернадского А.Е.Ферсману. М., 1985. С.75.

22. Верандский В.И. Очерки и речи. Пг.,1922. Вып.1. С.152-153.

23. Там же. С.154.

24. Вернадский В.И. Хронология // Архив РАН. Ф. 518, оп.2, д.55, л.2.

25. Вернадский В.И. Хронология. 1921-1925 // Архив РАН. Ф. 518, оп.2, д.46, л.38. Автограф.

26. Страницы автобиографии В.И.Вернадского. М., 1981. С.280.

27. Вернадский В.И. Письмо к Г.В.Вернадскому 3.07.1916 // Центральный государственный архив Октябрьской революции. Ф.1137, оп.1, д.200, л.95. Автограф.

28. Вернадский В.И. Блокнот с геологическими и минералогическими записями по поездке в Сибирь. 1916 // Архив РАН. Ф.518, оп.1, д.273, л.5. Автограф.

29. Там же. Л.1.

30. Там же. Л.15.

31. Вернадский В.И. Дневниковые записи. 1916 // Архив РАН. Ф.518, оп.2, д.9, л.1. Автограф.

32. См.: Веселовский В.И. Записка о находках горного хрусталя в Бийском уезде Тобольской губ. 8 сентября 1918 // Центральная научная библиотека АН Украинны. I, 26916. 1 л. Автограф. Он же. Записка о месторождениях изумруда, асбеста и др. минералов в бассейне р.Белая в Тобольской губ. Сентябрь 1918 // ЦНБ АН Украины. I, 26917. 2 л. Автограф.

1. Вернадский И.В. Политические полюсы: Запад и Восток. Без даты // Архив РАН. Ф. 518, оп.6, д.8, 17 л. Гранки.

2. Там же. Л.1.

3. Вернадский В.И. "Основою жизни — искание истины" (Записки 1890-1894 годов) // Новый мир. 1988. N 3. С. 211.

4. Вернадский В.И. Письмо к Н.Е.Вернадской. 3.08.1900 // Архив кабинета-музея им.В.И.Вернадского (Институт ГЕОХИ РАН).

5. Воспоминания о В.И.Вернадском: К 100-летию со дня рождения. М.,1963. С.78-79.

6. В библиотеке В.И.Вернадского (Кабинет-музей при Институте ГЕОХИ РАН) среди книг ученого имеются: Radhakrishnan S. Indian Philosophy. London, 1931. (Инв. N 4222); Poussin V. Nirvana. Paris, 1925. (N 4223); Stcherbatsky Th. The conception of Buddhist Nirvana. Leningrad, 1927. (N 4224); Masson-Oursel P. Esquisse D'une Histoire de la Philosophie Indienne. Paris, 1923. (N 4226); Masson-Oursel P. La Philosophie Comparie. Paris, 1923. (N 4233); Grousset R. Histoire de la Philosophie Orientale. Paris, 1923. (N 4221); др.

В день смерти на письменном столе В.И.Вернадского остались недочитанными три книги, две из которых представляют для нас особый интерес: Jeans S.J. Physics and Philosophy. Cambridge, 1942; Raman T.J. Report on India. London - New-York, 1943.

7. Вернадский В.И. Принцип симметрии в науке и философии (1925) // Вопросы философии. 1966. N 12. Также см.: Размышления натуралиста. М., 1975.

8. Вернадский В.И. Дневниковые записи. 1925 // Архив РАН. Ф. 518, оп.2, д.13, л.8. Автограф.

9. Вернадский В.И. Дневниковые записи. 1922-1924 // Архив РАН. Ф. 518, оп.2, д.12, л.5. Автограф.

10. Переписка В.И.Вернадского с Б.Л.Личковым. М., 1979. С. 185.

11. Вернадский В.И. Письмо к М.Шриниваза йа. 30.10.1934 // Архив РАН. Ф.518, оп.3-а, д.231, л.5. Черновик.

В.И.Вернадский был избран почетным членом Индийского Общества биологической химии (Бангалор, Индия) в 1936 году.

12. Вернадский В.И. Размышления натуралиста. М., 1977. С.111.

13. Роллан Р. Опыт исследования мистики и духовной жизни современной Индии. Жизнь Рамакришны. Т.19; Вселенское евангелие Вивекананды. Т.20 // Роллан Р. Сочинения. Л., 1936.

14. Вернадский В.И. Письмо к И.М.Гревсу. 22.08.1936 // Архив РАН. Ф.726, оп.2, д.47, л.27. Автограф.

15. Vivekananda Swami. The Complete Works. Advaita Ashrama, 1922-1925. Vol. 1-7.

16. См.: Росов В.А. Памятники науки ленинградского периода жизни В.И.Вернадского // Бюллетень комиссии по разработке научного наследия академика В.И.Вернадского. Л., 1987. N 1. С. 51-68.

17. См.: Вернадский В.И. Размышления натуралиста. М., 1977.

18. Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. М., 1988. С. 267.

19. В Комиссии по истории знаний В.И.Вернадский сотрудничал с крупнейшими русскими востоковедами; среди них - Алексеев Василий Михайлович (1881-1951), китаист, академик АН СССР (1929); Крачковский Игнатий Юлианович (1883-1951), арабист, академик Российской АН (1921); Крымский Агафангел Евфимович (1871-1942), иранист, академик Украинской АН (1918); Марр Николай Яковлевич (1864/65-1934), иранист, академик (1912); Ольденбург Сергей Федорович (1863-1934), индолог, академик (1908); Струве Василий Васильевич (1889-1965), египтолог, академик АН СССР (1935); Щербатской Федор Ипполитович (1866-1942), буддолог, академик Российской АН (1918).

20. Крачковский И.Ю. Письмо к В.И.Вернадскому. 27.02.1927 // Архив РАН. Ф.154, оп.1, д.1, лл. 74-74 об. Автограф.

21. Крачковский И.Ю. Письмо к В.И.Вернадскому. 06.05.1927 // Архив РАН. Ф.154, оп.1, д.1, л.200. Машинопись.

22. Вернадский В.И. Из воспоминаний. 1943 // Архив РАН. Ф. 1039, оп.4, д.9, л.18. Машинопись.

23. Вернадский В.И. Записки дневникового характера. 1930 // Арихв РАН. Ф.518, оп.2, д.16, л.9 об. Автограф.

24. Вернадский В.И. Письмо к Ф.И.Щербатскому. 18.01.1936 // Архив РАН. Ф.725, оп.3, д.35, л.3. Автограф.

25. Вернадский В.И. Дневниковые записи. 1922-1924 // Архив РАН. Ф.518, оп.2, д.12, л.10. Автограф.

26. Щербатской Ф.И. Письмо к В.И.Вернадскому. 30.07.1931 // Архив РАН. Ф.518, оп.3, д.1896, л.9. Автограф.

27. Вернадский В.И. Записки дневникового характера. 1932 // Архив РАН. Ф.518, оп.2, д.17, лл.3-3 об. Автограф.

28. Там же. Лл.48-48 об.

29. Вернадский В.И. Дневниковые записи. 1927-1928 // Архив РАН. Ф.518, оп.2, д.14, л.8. Автограф.

30. Stcherbatsky Th. Die drei Richtungen in der Philosophie des Buddhismus. Lwow, 1934.

31. См.: Вернадский В.И. Размышления натуралиста. М., 1977. Сс. 37, 43, 67, 83, 87.

32. Вернадский В.И. Дневник. 1919-1920 // Архив РАН. Ф.518, оп.2, д.11, л.85. Автограф.

33. Там же. Л.72 об.

34. Вернадский В.И. Хронология // Архив РАН. Ф.518, оп.2, д.33, лл.27-27 об.

35. Вернадский В.И. Письмо к А.Е.Крымскому. 15.01.1941 // Арихв РАН. Ф.518, оп.3, д.881, л.15. Автограф.

36. См.: Вернадский В.И. Дневник. 1919-1920 // Архив РАН. Ф.518, оп.2, д.11, л.3 об. Автограф.

37. Там же. Лл. 8 об.-9.

38. Почтовая открытка с портретом А.Е.Крымского, краткими сведениями о нем и текстом его стихотворения. Архив РАН. Ф.518, оп.3, д.880, л.30-б об.

Глава 3

1. Минаев Иван Павлович (1840-1890), востоковед, основатель русской индологической школы.

2. Розенберг О.О. Проблемы буддийской философии. Пг., 1918.

3. Бартольд Василий Васильевич (1869-1930), востоковед, академик Петерб. АН (1913).

4. Левинсон-Лессинг Франц Юльевич (1861-1939), геолог и петрограф; академик АН СССР (1925).

5. Радлов Эрнест Леопольдович (1854-1928), русский философ, академик Росс. АН (1920).

6. Деборин (Иоффе) Абрам Моисеевич (1881-1963), философ, академик АН СССР (1929).

Справочник "Наука и научные работники СССР" (Ч.4. Л.,1930) сведений об Ивановском не дает. Возможно, имеется в виду философ марксизма Иваницкий Павел Иванович (1885-?).

7. Щербатской Ф.И. Теория познания и логика по учению позднейших буддистов. Ч.1. Учебник логики Дармакирти с толкованием на него Дармоттары. СПб., 1903.

8. Лосский Николай Онуфриевич (1870-1965), русский философ, представитель школы интуитивизма и персонализма. Жил в эмиграции (с 1922) в Праге, преподавал в университете.

9. Ольденбург (урожд. Клеменц, по первому браку - Головачева) Елена Григорьевна (1875-1955), жена академика С.Ф.Ольденбурга.

10. Воробьев Павел Иванович (1892-1937), востоковед (манчжуроведение, китаистика, монголоведение); ректор Ленинградского Института живых восточных языков (1923-1932); директор Русского музея (1925-1931); зам.директора Института востоковедения АН СССР(1934-1936). Репрессирован и расстрелян 24 ноября 1937 г.

11. Орбели Иосиф Абгарович (1887-1961), востоковед, академик.

12. Волгин Вячеслав Петрович (1879-1962), историк, академик; непременный секретарь АН (1930-1935), вице-президент АН СССР (1942-1953).

13. Madhyanta-Vibhanga. Discourse on discrimination between Middle and Extremes, ascribed to Bodhisattva Maitreya and commented by Vasubandhu and Sthiramati. Transl. from the Sanscr. (and the Tibetan) by Th.Stcherbatsky. M.-L., 1936. VIII, 106. 58 c. (Bibliotheca Buddhica, XXX).

14. Горбунов Николай Петрович (1892-1937), химик, академик (1935), государственный деятель; непременный секретарь АН (с 1935).

15. Комаров Владимир Леонтьевич (1869-1945), ботаник, биолог, академик Росс.АН (1920); президент АН СССР (1936-1945).

16. Муратов - сведений нет.

17. Карахан Лев Михайлович (Караханян Левон)(1889-1937), дипломат, зам.наркома Иностранных дел.

18. Яковкин Иннокентий Иванович, директор библиотеки АН СССР (1930-1949).

19. Шмидт Отто Юльевич (1891-1956), математик, астроном, государственный и общественный деятель; академик АН СССР (1935), вице-президент АН СССР (1939-1942).

20. Ольденбург Сергей Сергеевич, сын академика С.Ф.Ольденбурга.

21. Имеется в виду представление на В.И.Вернадского при выборах в Академию наук.

22. Вероятно, Елена Дмитриевна Ревуцкая, сотрудница В.И.Вернадского.

23. Вернадский В.И. Философские мысли натуралиста. М., 1988.

24. Белоновский Георгий Дмитриевич (1875-1950), микробиолог, известен трудами по проблемам иммунитета; чл.-корр. АН СССР (1929).

25. Исаев Василий Исаевич (1854-1911), русский микробиолог и эпидемиолог, основные работы посвящены проблемам иммунитета.

26. Чистович Николай Яковлевич (1860-1926), врач, один из основоположников клиники инфекционных болезней как научной дисциплины.

27. Омельянский Василий Леонидович (1867-1928), микробиолог, опубликовал труды по выяснению роли бактерий в круговороте азота и углерода; акдемик Росс.АН (1923).

28. Заболотный Даниил Кириллович (1866-1929), эпидемиолог, один из основоположников отечественной научной эпидемиологии; академик (1922) и президент (1928-29) АН УССР, академик АН СССР (1929).

29. Габричевский Георгий Норбертович (1860-1907), русский микробиолог, организатор производства бактериологических препаратов в России.

30. Мечников Илья Ильич (1845-1916), русский биолог и патолог, создатель теории иммунитета; почетный член Петерб. АН (1902).

31. Буткевич Владимир Степанович (1872-1942), физиолог растений и биохимик; чл.-корр. АН СССР (1929). Логинов - неустановленное лицо.

32. Чернов Сергей Николаевич (1887-?), научный сотрудник Комиссии по истории знаний АН СССР, затем - председатель КИЗ; специалист по истории науки в России, истории русской церкви.

33. Шангин Мстислав Антонинович (1896-1942), специалист по античной истории, изучал влияние арабских источников на средневековую западную науку; опубликовал Русский астрологический кодекс (1936); репрессирован.

34. Самойлович Александр Николаевич (1880-1938), тюрколог, академик АН СССР (1929); директор Института востоковедения АН СССР (1934-1937). Репрессирован.

35. Беляев Виктор Иванович, востоковед, ученик И.Ю.Крачковского.

36. Доклад "Об условиях появления жизни на Земле" см.: Вернадский В.И. Проблемы биогеохимии. Труды биогеохимической лаборатории. Т. XYI. М., 1980. С.278-295.

37. Фасмер Ричард Ричардович (1888-1938), специалист по истории мусульманского Востока, известен научными трудами по восточной нумизматике.

38. Письмо жены Р.Р.Фасмер:

"Ричард Ричардович Фасмер находится в концлагере в городе Ташкенте и работает в Управлении Средне-азиатских трудовых лагерей (гор. Ташкент, ул.Ленина, 31).

Работает он в канцелярии на разных работах, как то: подшивка бумаг, курьерская разноска и т.д.

Моя просьба заключается в том, чтобы мужа моего, как и многих других ученых, использовали бы по его специальности. А эта возможность есть:

1) в гор. Ташкенте имеется Музей (ул.Ленина, угол ул.Карла Маркса), где хранятся в ящиках неразобранные восточные монеты;

2) в гор. Самарканде имеется также Музей, в котором работал покойный археолог Вяткин; как известил Ричард Ричардович, до сих пор там заместителя нет.

Р.Р.Фасмер работал в Эрмитаже 24 года. За это время имеет напечатанными 54 научных труда, и за исключением одного труда, все вышли после 1917 года.

Отзыв и просьба специалиста о Р.Р.Фасмере даст повод к изменению использования его не на конторском труде, а по специальности". (Архив РАН. Ф.1026, оп.3, д.221, л.7).

39. Крачковская Вера Александровна, жена И.Ю.Крачковского.

40. Модзалевский Лев Борисович (1902-1948), литературовед.

41. Князев Георгий Алексеевич (1887-1969), директор Архива АН СССР (1929).

42. Гревс Иван Михайлович (1860-1941), русский историк, медиевист. Рукописи, документы и другие материалы И.М.Гревса хранятся в Архиве РАН, ф.725.

43. Письмо Н.Е.Вернадской к В.А.Крачковской:

"Боровое, 16.V.1942 г. Дорогая Вера Александровна, я знаю и понимаю как Вам сейчас нужно беречь свои силы в виду перенапряжения их и чувствую, как жестоко с нашей стороны еще просить Вас о помощи, но если это слишком трудно, Вы просто оставьте нашу просьбу без внимания. Мы поймем невозможность что-нибудь сделать, но бедненькая Алла осталась в таком тяжелом одиночестве, в таком горе, что страшно оставить ее одну без слова поддержки. Она очень хорошая девочка, очень умная и способная. Я не знаю, как она справится с таким переживанием в таком раннем возрасте.

Я очень прошу Вас ее расспросить как она устроится, с кем будет жить. Сколько ей нужно будет денег, чтобы не голодать, т.е. чтобы существовать.

Кроме всего прочего при таком страшном горе и полном одиночестве всякое сочувствующее слово, сказанное бедной одинокой девочке, будет , наверно, страшно важно ей...

От Алексеевых (видимо, семья академика В.М.Алексеева - ред.) знаю, что у Вас тоже много тяжелых переживаний.

До свидания, дорогая. Крепко Вас целую. Будьте здоровы и благополучны.

Всего, всего Вам хорошего. Н.Вернадская". (Арихв РАН. Ф.1026, оп.3, д.221, л.14).

44. Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М., 1965. 2-е изд.: М., 1987.

45. 25 июля 1942 года И.Ю.Крачковский с семьей был эвакуирован из Ленинграда в Москву, 2 августа 1944 года снова возвратился в Ленинград.

46. Ян В.Г. Чингиз-хан. Повесть из жизни старой Азии (XIII век). М.: Воениздат, 1942. 320 с.

47. Шаховская Анна Дмитриевна (1889-1959), дочь Д.И.Шаховского, личный секретарь академика В.И.Вернадского.

48. В 1939 году вышло в свет два выпуска "Проблем биогеохимии". Оба они впоследствии переизданы: Вернадский В.И. Проблемы биогеохимии. М., 1980.

49. Комиссия по ученым учреждениям и предприятиям при Министерстве народного просвещения была создана весной 1917 года. В ее состав вошли: В.И.Вернадский, Д.Д.Гримм, Н.С.Курнаков, С.Ф.Ольденбург, Н.Я.Марр, Д.С.Рождественский, А. Е.Ферсман и др.

50. Вопрос о создании Кавказского историко-архивного института ставился академиком Н.Я.Марром 18 мая 1916 года на IX заседании Отделения историко-филологических наук РАН (Архив РАН. Ф.2, оп.1-1916, д.34, лл.6-9. Протоколы). Проект Устава и временных штатов был утвержден 27 июня 1917 года.

51. Толль (Толь) Николай Петрович (ум.1975), археолог. См.: Толль Н. П. Коптские ткани Художественно-Промышленного Музея в Праге. Прага, 1928. 44 с.

52. Кондаков Никодим Павлович (1844-1925), русский историк византийского и древнерусского искусства, академик Петерб. АН (1898).

53. Козлов Петр Кузьмич (1863-1935), русский путешественник, исследователь Центральной Азии.

54. Успенский Федор Иванович (1845-1928), русский историк, академик Петерб. АН (1900).

55. А.Е.Крымский цитирует начальные строки "Божественной комедии" Данте:

"Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу".
(Ад, I, 1; Пер. М.Лозинского).

56. Бородин Иван Парфеньевич (1847-1930), ботаник, академик Петерб. АН (1902); вице-президент АН (1917-1919).

57. Тимирязев Клементий Аркадьевич (1843-1920), ботаник, физиолог, чл.-корр. Петерб. АН (1890).

58. Вернадская-Толль Нина Владимировна, дочь академика В.И.Вернадского.

59. Работа под названием "Очерк сирской литературы" не выходила. (См.: А.Ю.Кримський. Бібліографічний покажчик (1889-1971). Київ, 1972). Видимо, имеется в виду статья, подготовленная для Нового энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона.

60. Ефремов С.О. Історія українського письменства. Київ, <1911>.

61. Вяткин Василий Лаврентьевич (1869-1935), специалист по истории и археологии Туркестана, изучал историю мусульманского Востока; заведующий областным музеем в Самарканде.

62. Минорский Владимир Федорович (1877-1966), русский востоковед, тюрколог.

63. Вероятно: Остроумов Николай Петрович (1846-?), востоковед, занимался вопросами народного образования в Средней Азии.

64. Струве Петр Бернгардович (1870-1941), экономист, философ, политический деятель; редактор журналов "Новое слово", "Русская мысль", "Начало".

65. Мануйлов Александр Апполонович (1861-1929), русский экономист; ректор Московского университета (1908-1911), министр просвещения Временного правительства (1917).

66. Грунин Тимофей Иванович (1898-1970), тюрколог, сотрудник Тюркологической комиссии АН СССР.

67. Гордлевский Владимир Александрович (1876-1956), востоковед, тюрколог; академик АН СССР (1946).

68. Крымский А.Е. Тюрки, іх мови та літератури // Збірник іст. -филол. відділу Укр. АН. Київ, 1930. N 105.

69. Яворский Матвей Иванович (1884-1937), украинский историк, академик АН УССР (1929).

70. Перетц Владимир Николаевич (1870-1935), литературовед, академик Петерб. АН (1914) и АН УССР (1919).

71. Скрипник (Скрыпник) Николай Алексеевич (1872-1933), академик АН УССР (1929).

72. Драгоманов Михаил Петрович (1841-1895), украинский историк, литературовед, философ и общественный деятель.

73. Зоря — неустановленное лицо.

74. Старицкий Михаил Петрович (1840-1904), украинский писатель и театральный деятель.

75. Людмила Михайловна Старицкая, вероятно, дочь М.П.Старицкого. Вероника — неустановленное лицо.

76. Тимошенко Степан Прокофьевич (1878-1972), механик, один из организаторов АН УССР, академик АН УССР (1918); иностранный чл.-корр. АН (1928), проф. Мичиганского (1927-36) и Станфордского (с 1936) университетов.

77. Левицкий Орест Иванович (1848-1922), историк, археолог, беллетрист; академик (1919) и вице-президент (1919-21) АН УССР.

Заключение

1. Мочалов И.И. Владимир Иванович Вернадский. М., 1982. С. 245.

2. Человек и мир в японской культуре. М., 1985. С.3.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Влияние восточной мысли на классическую западную науку разнообразно. Часто оно пронизывает личность ученого и обнаруживается внезапно в самых неожиданных подробностях научной работы. Примеров тому много. Самый благодатный из них — неизвестная рукопись Л.А.Кулика "Палласово железо в индийских сагах". Близкий ученик и сотрудник Вернадского, исследователь метеоритов Л.А.Кулик оказался именно тем ученым, который смог, пусть даже однажды, поддержать мысли своего учителя. Перед нами — интереснейший опыт прочтения явлений природы в древнеиндийском эпосе, трактате "Агастигмата". Кулик разбирает эпическую историю, и в канве ее событий видит скрытое, зашифрованное описание падения метеорита. Метеоритика, являющаяся предметом науки, получает свое осмысление через систему поэтических и смысловых образов; из факта литературы она становится научной реальностью. Текст рукописи Л.А.Кулика хранится в архивном фонде академика Вернадского — Архив Российской Академии наук, Ф. 518, оп. 5, д. 82, 8 л.; машинопись. Время написания текста — предположительно 1934 год. Примечания — автора.

Л.А.Кулик
Палласово железо в индийских сагах[1]

Народный эпос — это неиссякаемый источник материалов, свежесть которых для науки и искусства не теряется никогда: последние всегда будут черпать отсюда свои сюжеты и темы для все нового их использования — для новых

1 Палласово железо — полужелезный метеорит, в котором пустоты и пещерки губчатой железно-никелевой основной массы заполнены каменистым веществом, оливином (хризолитом).

картин, новых трактовок и новых целей, в зависимости от прогресса культуры, от дальнейшего развития человеческого интеллекта. И на современной стадии нашего развития, нашего понимания окружающей нас обстановки мы и в нашей области знания (метеоритика) тоже прибегаем к этому же источнику "живой воды" человеческого творчества. Прекрасной иллюстрацией к высказанной мысли будет являться следующий случай.

В древней сказочной Индии персонажи героического эпоса, "живая" и "мертвая" природа — все это переплелось между собой в особенно художественные гирлянды красочных сказаний, известных под названием ляпидариев[1]. Отсюда академик А.Е.Ферсман взял для своих "Самоцветов России" чарующую сказку о происхождении изумрудов — драгоценных камней зеленого цвета.

Любопытная мысль возникла у нас при чтении этого, действительно, высокопоэтического произведения. Но чтобы быть точным в своей расшифровке смысла этой искрящей перлами фантазии и свежестью красок сказки, мы должны были иметь в своем распоряжении точный первоначальный текст ее. Однако же ни перевод с французского академика А.Е.Ферсмана, ни сам французский текст Люи Фино нас удовлетворить не могли, и мы, с санскритским текстом в руках, обратились к знатоку его, покойному академику Сергею Федоровичу Ольденбургу. За несколько месяцев до своей смерти он разобрал с нами приведенную ниже купюру этого самородка индийского народного творчества. Понятно, что мы берем лишь тот отрывок последнего, который нас интересует, сохраняя нумерацию стихов подлинника[2].

1 Корень этого слова — "ляпид", и обозначает он собой понятие "камень"; по-латински в именительном падеже это будет — "ляпис"; в таком виде это слово вошло и в русский язык, например, — ляпис — азотнокислое серебро, ляпись-лазурь — голубой, до синего, минерал, излюбленный поделочный самоцвет в Иране и Туране.
2 См.: А.Е.Ферсман. Самоцветы России. Петроград, 1921. С. 40.; а также — у Л.Фино, с. 123.

146. Взяв желчь[1] верховного владыки Данавы[2], быстро устремился Васуки, царь змей, как бы рассекая надвое небо.

147. Подобно огромному серебряному изломанному мосту отражался он в раздолье моря, и зажигалось оно огнем отблеска головы его.

148. И поднялся против него Гаруда[3], ударяя крыльями, как бы обнимая и небо и землю.

149. Индра змей[4] тотчас же выпустил желчь к подножию горы, владычицы Земли, туда, где деревья турушки благоухают каплями сока и заросли лотосов наполняют воздух своим запахом.

150. Как только упала она на землю, где-то там, вдали, в стране варваров, на границах пустыни близ берега моря, — там превратилась она в копи изумрудов.

151. Но Гаруда схватил в свой клюв часть упавшей на землю желчи и вдруг, охваченный слабостью, выпустил ее через свои ноздри обратно на гору.

152. И образовались изумруды, цвет которых подражает цвету шеи молодого попугая, цвету шириши, — спины кадиюта, — молодой травки, — водяной тины, — железа и — рисунка пера в хвосте павлина.

153. Эту копь, расположенную на том самом месте, куда упала желчь вождя Дайтиев[5], брошенная пожирателем змей[6], очень трудно отыскать, и она обладает выдающимися достоинствами.

У Люи Фино, по-французски, эта же картина изложена дальше так (Агастигмата, 283-288):

283. Разные цветные камни рождены от тела Данавы. Овладев его желчью, отправился в путь царь Паталы[7].

1 Здесь — часть вместо целого, т.е. "желчь" вместо "печени".
2 "Верховный владыка"; потом вообще — наибольший. Сравни славянское "дунай".
3 Гаруда — царь воронов; сравни русское: гаркнуть, каркнуть, галка.
4 "Индра змей" здесь — иносказательно: вместо — "царь змей".
5 Дайтии — индусские титаны (великаны). "Вождь дайтиев" употреблено здесь иносказательно, вместо "Данава".
6 То есть — Гарудой.
7 "Царь Паталы" (преисподней) здесь — иносказательно, т.е. Васуки, царь змей.

284. Но в то время, как он, ликуя, одолевал по воздуху путь к своему жилью, брат Сурьи, орудие освобождения его матери, Гаруда увидел его.

285. Бурно взмыл он кверху. Царь змей обмер. Остановленный содроганием его груди, по которой он ходил, он закатил в испуге глаза.

286. Желчь выскользнула из его пасти и упала на землю на участке непроходимом, случайно — необитаемом.

287. Там, в одном месте страны турушки, близ берега морского, есть гора, царица земли, известная в трех мирах.

288. Там находятся копи изумруда, наилучшие из существующих. Но эти копи не существуют для несчастных рожденных[1]: только кудесник в благоприятный момент может увидеть эти благородные камни.

Вернемся теперь от этой прекрасной саги-сказки к тому фактическому материалу, которым мы располагаем на сегодняшний день.

Что говорит нам метеоритика	Что говорит об этом же сага
1	2
1. Метеориты летят с огромной скоростью, а потому они оканчивают свой стремительный бег по небу всего лишь в несколько секунд. В начале этого полета бывают иногда слышны свистящие или шипящие звуки.	"Быстро устремился Васуки..." "Ударяя крыльями..."

1 То есть — простых смертных.

1	2
2. Дробясь о воздушные слои и, вместе с тем, каждый своим отдельным осколком сжимая перед собою воздух до крайних пределов, метеорит повышает температуру его до тысяч и десятков тысяч градусов; все это по совокупности образует ослепительно яркий огненный шар (болид), состоящий из раскаленного воздуха и накаленных им газов и частиц метеорита, сорванных его давлением с поверхности отдельных кусков.	"И зажигалось оно огнем отблеска головы его".
3. Сорванные воздухом частицы метеорита, остывая, образуют за ним светлый серебристый след, прямой сначала и — змеевидный потом.	"Подобно огромному серебряному изломанному мосту отражался он в раздолье моря..."
4. Пролетая по небу мгновенно, лишь в несколько секунд, огненный шар с сопутствующим ему серебристым следом иногда как бы рассекает небо надвое. Это впечатление "разверзания небес" ночью бывает особенно эффектным.	"...Как бы рассекая надвое небо".
5. Тотчас после полета серебристый след метеорита начинает извиваться, образуя ломаную линию, до идеально иногда змееобразной.	"Подобно огромному серебряному изломанному мосту отражался он (царь змей) в раздолье моря..."

1	2
6. Почти все метеориты задерживаются воздухом. В точке их задержки, там, где тухнут все огненные явления и, следовательно, исчезает, "закатывается" болид, - мгновенно образуется темное, до черного облачко, во много раз превосходящее ширину следа. Облачко и след расплываются, охватывая значительную часть неба; иногда после этого образуются мощные серебристые облака, формой и цветом напоминающие белоснежные крылья.	"...закатил в испуге глаза"; "И поднялся против него Гаруда..."; "Бурно взмыл он кверху"; "Остановленный содроганием его груди, по которой он ходил..."; "... крыльями как бы обнимая небо и землю".
7. Мощное, мгновенное, роем камней внедрение метеорита в воздух с мгновенным же накаливанием последнего до тысяч градусов и образованием болида взрывным порядком образует цилиндры разреженного пространства в сотни метров и больше в поперечнике. Эта "пустота" захлопывается окрестными массами воздуха, производящими при этом потрясающие громовые удары у точки задержки роя и — грохот по остальному пути его.	"ударяя крыльями"; "содрогание груди".
8. Свежевыпавшие метеориты обычно покрыты черной корой. Но при лежании в коре земной они буреют, приближаясь по своему цвету, а иногда —	"Взяв желчь (печень—Л.К.) верховного владыки Данавы..."; "тотчас же выпустил желчь к подножью го-

1	2
— и по характеру поверхности, и формой, — к печени. Некоторые полужелезные метеориты, в особенности палласиты, своею внутренней губчатой, пещеристой структурой еще более напоминают собой последнюю.	ры..."; там превратилась она в копи изумрудов".
9. Палласиты характеризуются наличием в их пещерах, гнездах и пустотах — оливина, или хризолита, — самоцвета медово-желтого, желтовато-зеленоватого или — яблочно-зеленого цвета. Древние народы не делали еще такого глубокого различия между некоторыми, сходными по цвету, но различными по химическому составу камнями, как это делаем сейчас мы. Зачастую все зеленые камни отождествлялись с изумрудами. Академик А.Е.Ферсман, например , сам признает (Самоцветы России, 1921, с.40), "что различные зеленые самоцветы перепутаны Плинием в общем понятии смарагда" (изумруда).	"Но Гаруда схватил в свой клюв часть упавшей на землю желчи и вдруг, охваченный слабостью, выпустил через свои ноздри ее обратно на гору. И образовались изумруды..."

Какая полная аллегория! Какая, вместе с тем, глубоко поэтическая символизация всей обстановки падения палласита, — падения метеорита вообще, этого наиболее мощного явления природы, неизменно, во все времена и у всех народов производившего на человека исключительно сильное впечатление!

С печенью (палласитом) царя Данавы в пасти прорезает небо Васуки—царь змей (болид со своим следом), и в своем стремительно-быстром, практически — мгновенном беге и ослепительной яркости как бы рассекает небо надвое; "и отблеск пламени его головы зажигается в зеркале моря"; а позади, подобно огромному серебряному изломанному мосту (серебристый зигзагообразный след), растягивается огромное тело его, "отражаясь в раздольи моря". Но увидел его Гаруда, царь воронов (темное облачко в точке задержки); молниеносно взмыл он (мгновенность появления!), огромный, кверху, ударяя крыльями (свист и шипенье в начале полета болида!), и столкнулись они в своем стремительном беге навстречу друг другу. И остановленный содроганием (громовые звуки!) огромной груди Гаруды, по которой он как бы ходил, — обмер Васуки и в испуге закатил глаза (болид потух!). И выпала печень (палласит) на землю; и там, где она упала, образовалась копь. Но Гаруда схватил клювом часть выпавшей из печени на землю зеленой желчи и выпустил ее обратно через ноздри: и образовались в этой копи зеленые "изумруды" (хризолиты).

Трудно представить себе возможность лучшего совпадения этой поэтической аллегории с наблюдаемой обстановкой падения метеоритов и палласитов — в частности. Единственным "темным пятном", из несущественных впрочем деталей, будет то обстоятельство, что по контексту, для естественной правдивости всего этого изображения, в стихах: 146, 149, 153, 283 и 286 не должна стоять "желчь", так как разговор здесь может идти только лишь о печени, а не о желчи. Если считать безупречной запись старых устных индийских саг при составлении рукописных свитков, то придется допустить либо более древнее искажение в устной передаче, как результат утери и полного уже отсутствия представления о первоисточнике этой аллегории, либо — забытую метонимию (pars pro toto), — "желчь" вместо "печени". Что же касается до наименования всех зеленых самоцветов изумрудами, то это — вполне естественное явление в обстановке эмбриональной минералогии, какой она была 6-10 тысяч лет тому назад.

СОДЕРЖАНИЕ

В.И.Вернадский и русские востоковеды

Вместо предисловия 7

ГЛАВА I: Мысли
1. Восток. 2. Биосфера. 3. Ноосфера.
4. Пневматосфера. 5. Алтай 9

ГЛАВА II: Источники
1. Традиция. 2. Веданта. 3. Востоковеды.
4. Щербатской. 5. Крымский 29

ГЛАВА III: Письма
1. Щербатской. 2. Ольденбург. 3. Крачковский.
4. Алексеев. 5. Марр. 6. Крымский 53

Заключение 120

Примечания 122

Приложение
Л.А.Кулик. Палласово железо в индийских сагах 133

"В истории философской мысли мы находим уже за много столетий до нашей эры интуиции и построения, которые могут быть связаны с научными эмпирическими выводами, если мы перенесем эти дошедшие до нас мысли — интуиции — в область реальных научных фактов нашего времени. Корни их теряются в прошлом. Некоторые из философских исканий Индии много столетий назад — философия Упанишад — могут быть так толкуемы, если их перенести в область науки XX века".

В.И.Вернадский

"Удивительным человеком был Вернадский. Поражало его всеохватывающее знание. Я был обрадован, и мое уважение к нему возросло, когда я увидел, насколько глубоко и серьезно он знает философию Индии. Мировоззрение моей страны оказало на Вернадского определенное влияние, было полезно для его научных представлений, и это для меня было радостным открытием".

Лал Гобинд Рамайя

"Вернадский ссылается неоднократно на Рамакришну и Вивекананду в целом ряде работ, но насколько я представляю, в их мировосприятии его привлекает идея беспредельности мира, идея безначальности, бесконечности жизни".

К.П.Флоренский